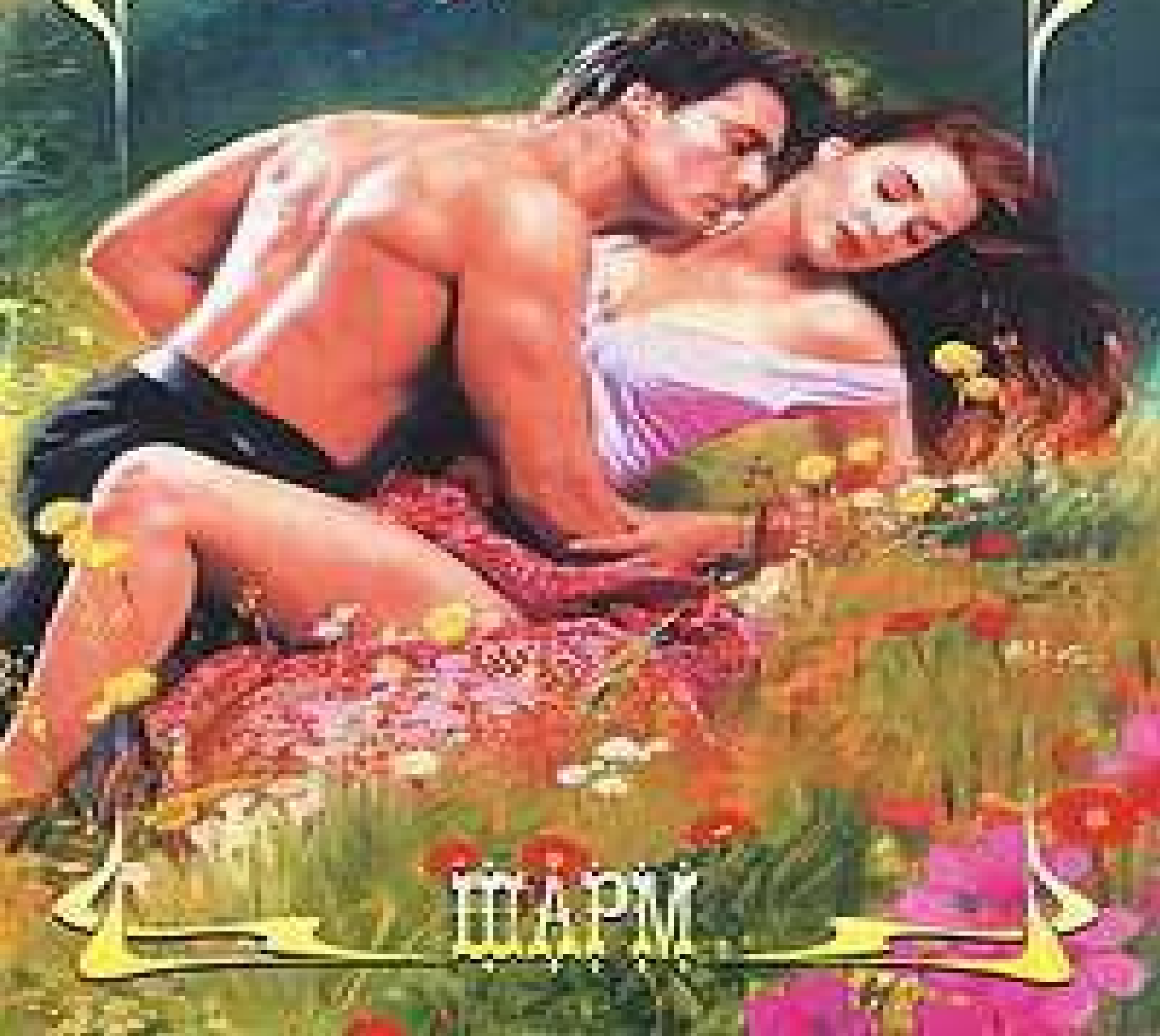

ВИРОЖИНИНИ ЖЕНЛИК, САЛТИН МАККЕНЗИ,
ВИКТОРИЯ ДАУИ

Товелителни емпрателни

ИТАЛИЯ

Сумеет ли Джеймс развеять опасения жены и разжечь в ней чувственное пламя? Но настоящая страсть не признает условностей, и вот уже Виктория Карсуэлл готова следовать за любимым навстречу опасности... Ссора заставила лорда и леди Килгорн расстаться, вот только виконт, пригласивший их в гости, об этом не знает. Что это – несчастье или неожиданная удача? . . . Сара Худ вышла замуж по любви. Потому супругам предложили общую спальню. Светская дама без ума от контрабандиста – разве такое возможно? Три истории страсти, нежности и головокружительных приключений от любимых авторов! Но мысль о супружеской близости заставляет неопытную леди замирать от страха.

Виктория Дал **Уроки наслаждения**

Victoria Dahl "Lessons in Pleasure" (2009)
Дал, Виктория Уроки наслаждения: Роман.
Из сборника Повелители страсти.
М.: АСТ, Астрель, ВКТ, 2010. - С. 243-317.
Серия: Шарм
ISBN 978-5-17-068249-2
ISBN 978-5-271-30034-9
ISBN 978-5-226-02954-7

Глава 1 **Лондон, 1875 год.**

Сара Роуз Худ была влюблена в собственного мужа. Во всяком случае, почти не сомневалась в этом.

Джеймс производил впечатление человека любезного и симпатичного. Тактичного и умного. В течение тех двух месяцев, что они были женаты, он хорошо заботился о ней, обеспечив всем необходимым. Разумеется, и новыми нарядами. Поэтому она и любила его. Наверное.

И боялась. Правда, совсем немного.

— Вероятно, я сегодня буду поздно, — предупредил Джеймс, забирая перчатки со столика в гостиной.

Он принялся их натягивать и, улыбнувшись, добавил:

— ХанOVER хочет обсудить кое-какие положения нового законопроекта, а тебе ведь известно, насколько он въедлив.

Сара кивнула с таким видом, как будто ей действительно было это известно.

— Поэтому можешь меня не дожидаться. — Его бархатистый голос, казалось, проникал в самую душу.

Он наклонился к ней и, поцеловав в щеку, шепнул:

— Доброй ночи, Сара.

Тихонько вздохнув, она ответила:

— Доброй ночи.

И ласково улыбнулась ему. Как странно. Да-да, именно странно. Это было самое точное слово из всех тех, что пришли ей на ум, когда она подумала о своих ощущениях. Но жить в интимной близости с мужчиной тоже весьма странно. Как и то, что ее внезапно вырвали из жизни, в которой совсем не было места мужчинам. Да, ее выдали замуж совершенно неожиданно — со всеми вытекающими из этого последствиями.

И нельзя сказать, что она не хотела выходить замуж за Джеймса. Напротив, ей очень этого хотелось, но...

Услышав, как хлопнула входная дверь, Сара покачала головой и поднялась, чтобы позвонить насчет ужина. Она снова останется в одиночестве, как случалось всегда, когда Джеймс проводил вечера у себя в клубе. Сара и не возражала. Это Джеймс настаивал, чтобы она приглашала в дом подруг. Он заботился о ней, беспокоился о том, что ей, возможно, одиноко. А в такие вечера, как этот, она могла забыть обо всех своих тревогах и заполнить время занятиями по душе.

Ужин — подали отварную говядину и пудинг — прошел в тишине и покое. А остаток вечера Сара провела в уютной гостиной — устроившись в кресле, она попивала вино и читала новый роман, купленный накануне. Чтение было самым большим ее увлечением. И Джеймс позволял ей подолгу задерживаться в ее любимой книжной лавке. Еще один довод в пользу того, что она все-таки любила его.

Новая книжка оказалась выше всяких похвал. Вино, кстати, тоже. Когда Сара наконец оторвалась от приключений в далеких морях и леденящих душу штормов, до нее вдруг дошло, что уже перевалило за десять и давно пора отправляться в постель. Резко поднявшись на ноги, она почувствовала легкое головокружение.

— Ну вот... — пробормотала она, приложив ладонь ко лбу.

Один стаканчик вина явно оказался лишним. Возможно, два.

Постояв немного у кресла, она, чуть пошатываясь, пересекла комнату и направилась к лестнице. Слава Богу, Джеймс еще не приехал и не увидит, как она напилась. И слава Богу, у нее есть расторопная и опытная горничная. Ей вдруг захотелось обнять девушку, когда та, уже в спальне, высвободила ее из тесных объятий корсета. Сара сделала глубокий вздох и с улыбкой сказала:

— Вот спасибо, Мэри...

— К вашим услугам, миледи, — ответила горничная с сильным ирландским акцентом.

Сара сделала еще несколько глубоких вздохов. И с каждым вздохом ей становилось все лучше. Снова улыбнувшись, она взглянула на горничную и спросила:

— А где ты служила до нас, Мэри?

Девушка на секунду замерла. Потом продолжила снимать с хозяйки чулки. А Сара тут же пожалела о своем вопросе; она никогда не заговаривала с Мэри на личные темы. Очевидно, вино развязало ей язык.

— Я служила у миссис Альбертсон, миледи. Обслуживала ее и двух ее дочерей. Одной было шестнадцать, другой — восемнадцать.

— Надеюсь, у меня тебе полегче. Проще по крайней мере, верно?

— Да, миледи.

— С девушками в таком возрасте бывает трудно, — продолжала Сара.

Правда, ей самой-то всего двадцать.

Большинство ее подруг втайне мечтали о замужестве. О джентльмене из высшего общества, который наверняка сможет открыть девушке дорогу к шикарным светским приемам и столь же шикарным загородным вечеринкам. А вот Сара о таком не мечтала. Ей хотелось любви и тепла. Комфорта и взаимопонимания. Хотелось жить с человеком, который походил бы на ее отца.

Когда она познакомилась с Джеймсом — молодым адвокатом, незадолго до этого занявшим место в палате общин, — ее сердце на мгновение замерло, а потом вдруг заколотилось с такой силой, что даже стало интересно: услышит ли Джеймс этот стук? Он был высок и хорош собой. Пленительным контрастом к темным волосам были светло-зеленые глаза. И у него оказалась чудесная улыбка...

Сара приложила руку к сердцу, подскочившему в груди при воспоминании об их знакомстве.

— Что с вами, миледи?

Заморгав, Сара поняла, что перед ней стоит Мэри. В руках горничная держала сорочку из тонкого муслина.

— Ох, прости, — пробормотала Сара. — Все в порядке.

Она подняла руки, чтобы горничная стащила с нее блузку. Через несколько секунд Мэри облачила ее в ночную сорочку без рукавов, и теперь они почти покончили со всеми делами — оставалось совсем немного. Сара присела на стул, и служанка расплела ей волосы, которые укладывала утром. Нужно было их расчесать на ночь. После этого Мэри следовало убавить свет и предоставить хозяйку самой себе.

— У тебя есть семья? — спросила Сара; ей почему-то не хотелось прерывать разговор.

Горничная снова на секунду замерла. А потом Сара увидела в зеркале, как девушка кивнула:

— Да, миледи. Два брата и две сестры. И отец. Мать умерла, когда я была маленькой.

— О, у меня тоже...

Мэри на сей раз промолчала. Девушка вообще была довольно молчаливой, но Сара не считала это недостатком, напротив, весьма ценила это ее качество. И Мэри, конечно же не имела никакого отношения к тому, что сегодня Сара чувствовала себя... как-то странно. Да, наверное, это все из-за вина. Но почему же ее одолевало беспокойство? Клонило в сон — а в голову все лезли разные мысли.

Отпустив Мэри, Сара тотчас улеглась и уставилась в потолок. Она чувствовала, что сразу заснуть не удастся. К тому же скоро вернется Джеймс. Они спали в одной постели, и это, вне всякого сомнения, была самая странная особенность того что называют «замужеством». Она, Сара, до свадьбы ни разу не видела обнаженных до локтя мужских рук, а вот теперь каждую ночь спала в одной постели с мужчиной. И чувствовала его прикосновения. Дышала его запахом. Создавала ему ощущение... удобства.

Сара заворочалась под одеялом и, перевернувшись наживет, уткнулась лицом в подушку. Сон по-прежнему не шел, несмотря на усталость. И с каждой минутой в голове появлялось все больше мыслей о Джеймсе.

Их первая брачная ночь... Она лежит в этой самой постели и ждет, когда он придет. Его первое осторожное прикосновение. Странное ощущение от волосков на его теле. Теплые губы. Теплые руки. И осознание того, что он может делать с ней все, что ему нравится.

Она — сама покорность.

Но он был ласков, терпелив и добр, поэтому она очень старалась не испугаться.

Ах, откуда же у нее сегодня такие странные мысли? Да, очень даже странные.

И еще более странные ощущения... Откуда они?

А в голову все лезли и лезли беспокойные мысли, отгонявшие сон. Она действительно любила мужа? Или хотела полюбить? Во всяком случае, очень старалась. И чем больше старалась, тем тревожнее становилось.

Кроме того, у нее была тайна. Тайна, которую следовало открыть Джеймсу до свадьбы, даже до того, как она приняла его предложение. Теперь это ее упущение стояло между ними, как стена. По одну сторону стены находился муж, а по другую — она, Сара. И она как бы расхаживала за этой стеной в полном одиночестве.

Ей ужасно хотелось пробить эту стену и оказаться в крепких объятиях мужа, но страх сковывал ее, лишал сил...

Сара вздохнула и закрыла глаза. Неужели ей так и не удастся заснуть?

Бросив дворецкому плащ и шляпу, Джеймс Худ шумно выдохнул. Господи, как же он устал! Все последние недели ему приходилось часами сражаться за эти проклятые нововведения в сельском хозяйстве. Борьба вымотала, но в конечном итоге принесла успех. Следующие сражения начнутся уже... Да, уже через три или четыре дня.

Джеймс направился в библиотеку. У порога остановился. Как обычно, он собирался провести здесь час, собираясь с мыслями и просматривая свои заметки. Но сегодня... Шея ужасно ныла, а в горле першило от сигарного дыма — пришлось несколько часов просидеть в обществе коллег, заядлых курильщиков. Хотелось лечь и тотчас же заснуть.

Нет, не тотчас же. Он взглянул в сторону лестницы. Там, наверху, находилась его жена, прелестная и застенчивая. Правда, Сара уже, наверное, спит, а он не настолько жесток, чтобы будить ее среди ночи.

Джеймс всегда считал себя человеком благовоспитанным и порядочным. И считал, что уж если женился, то должен относиться к жене с уважением. Но он даже представить себе не мог, что будет целыми днями думать о своей жене.

В Саре было нечто особенное. Какая-то умиротворенность, какое-то спокойствие и еще... И еще в ней было что-то непостижимое. Что-то необыкновенно женственное и загадочное. Со временем она, конечно, изменится. Со временем он разберется в ней, а она узнает его. Тогда никаких загадок не останется, и брак их станет по-настоящему комфортным.

Он ужасно обрадовался, когда они встретились впервые, когда только познакомились. И еще больше обрадовался, узнав, что эта очаровательная девушка с мягкой улыбкой не только хороша собой, но еще и благородна, а также очень неглупа. А теперь, когда они уже были женаты, ему нравилось наблюдать за ней, когда она читала, сидя у камина. Нравилось следить за выражением ее лица, когда она переворачивала страницы.

Пряди ее шелковистых каштановых волос поблескивали в отсветах камина, а чудесные карие глаза то и дело вспыхивали. В какие-то минуты Джеймс все смотрел на нее и смотрел, любуясь ею. Но в другое время, когда Сара чувствовала на себе его взгляд, она краснела и начинала беспокоиться. Только за чтением она забывала обо всем на свете.

Но наверное, наступит время, когда она позволит ему посмотреть на нее сколько душе угодно.

Улыбнувшись, Джеймс направился к лестнице. Быстро взбежал по ступенькам, но у двери их общей спальни замедлил шаги. На цыпочках проскользнув в свою гардеробную, он

разделился и поискал ночную рубашку. Но было слишком уж жарко и душно к тому же. Так что никаких ночных рубашек! Сара на это не скажет ни слова, даже если и обратит внимание. А через месяц, в июле, жара станет совсем невыносимой. И провалиться ему, если в самое жаркое время года он будет ложиться в постель одетый. Придется Саре привыкнуть и смириться.

Стараясь ступать как можно тише, Джеймс осторожно улегся. Откинув одеяло, вытянулся рядом с женой и закрыл глаза. И тотчас же послышался какой-то звук, Кажется, вздох.

Да, верно, вздох. Сара поворочалась немного и снова вздохнула. Возможно, проснулась. Неужели он разбудил ее? Почувствовав себя откровенно виноватым, Джеймс осторожно протянул руку и наткнулся на руку жены. Повернувшись на бок, он приподнялся на локте, чтобы лучше рассмотреть ее.

И в тот же миг Сара опять заворочалась и даже нахмурилась во сне.

— Сара... — позвал он шепотом.

Она в очередной раз вздохнула. Наверное, снилось что-то неприятное.

Джеймс погладил ее по руке, чтобы успокоить. Кожа ее на ощупь была словно атласная, он снова ее погладил.

— Джеймс?..

Она вдруг открыла глаза и уставилась на него.

— Дурной сон, да?

— Ммм... — Ресницы ее опустились. — Ты выглядишь... как тень великана.

— Правда? — Кожа Сары казалась ужасно соблазнительной, и Джеймс вновь провел пальцами по ее руке. — Зато ты, дорогая, выглядишь как ангел.

Она рассмеялась в ответ:

— Разве ангелы после ужина злоупотребляют вином?

— А ты злоупотребила?

— О да... — простонала она. — И сейчас комната наконец-то перестала кружиться. Надеюсь, ты не сердишься?

Джеймс тоже засмеялся:

— Нет, разумеется. Но пожалуй, пододвину поближе ночной горшок.

— Ах! Не говори так громко.

Джеймс умолк и тут же увидел, как на губах жены заиграла безмятежная улыбка. Он снова протянул к ней руку и коснулся ее плеча. Затем сунул пальцы под завязки на ее рубашке. Ох, какая шелковистая у нее кожа! Он провел по ее груди, и она на мгновение замерла. А потом Джеймс почувствовал, как бурно стала вздыматься ее грудь. Не выдержав, он склонился над ней и прижался губами к ее плечу.

Сара в испуге вздрогнула — сердце сжало знакомое чувство вины. Ах, он желал ее, а она... А она лежала, затаив дыхание, и ждала, когда все закончится.

Джеймс несколько не удивился, когда почувствовал, что жена его словно окаменела — он был к этому готов.

Но потом вдруг из груди Сары вырвался тихий вздох, и сердце Джеймса гулко заколотилось — он уловил в этом вздохе желание и томление.

Губы мужа были горячими и влажными. Он целовал ее в плечо, но в этом поцелуе не было ничего особенного — он и прежде целовал не только в губы, но и в грудь и даже лизал соски. Однако сегодня... Сегодня все было как-то по-другому. Она почти сразу

почувствовала, как все тело ее как будто начало обволакивать жаром. Но все же она лежала и молча ждала...

Но он вдруг лизнул ее в плечо, и жар тут же усилился. Не удержавшись, она тихонько ахнула. И даже чуть не застонала. Испугавшись, снова затаила дыхание, но почти сразу поняла, что можно не переживать. Муж вроде бы ничего не заметил и продолжал ласкать ее. Ах, его поцелуи казались обжигающими, словно пламя, а руки... Она вдруг почувствовала, как губы мужа прижались к ее шее, и вновь не удержалась.

— Ах!.. — вырвалось у нее.

Ощущение было восхитительным. Да-да, восхитительным! И наверняка порочным. А может, порочным было то, что он большими пальцами описывал круги вокруг ее сосков? Да, наверное. Но эти его ласки вызывали чудесные ощущения — казалось, это бабочки порхали. Соски напряглись и приподнялись навстречу «бабочкам». Но те неожиданно улетели, сменившись шипящими искрами.

Ужасно удивившись, Сара вытянула руку и тут же поняла, что эти искры — еще не самое удивительное в сегодняшнюю ночь. Пальцы ее вдруг наткнулись на что-то горячее и твердое, окруженное зарослями жестких волос.

И на сей раз оба ахнули от неожиданности. Возможно, Джеймс ахнул даже немного громче.

Сара никогда еще не дотрагивалась до него в том месте, никогда...

— Ой, прости, — прошептала она в ужасе. — У меня и в мыслях не было... Тебе больно?

— Нет-нет, — ответил муж.

Но, судя по голосу, ему было больно.

— Сара...

Он внезапно умолк.

— Д-да...

Его рука легла ей на грудь. Потом пальцы стиснули сосок — и словно все закружилось в огненном вихре...

Когда же Сара пришла в себя, то поняла, что безо всякого стеснения пытается прижаться к мужу как можно крепче, потом вдруг услышала... свой собственный стон. Что же собирался сказать Джеймс, она так и не узнала, потому что в следующее мгновение он прижался губами к ее губам.

Она вовсе не считала, что он не умеет целоваться, но такие поцелуи были, по ее мнению, немного... слюнявыми. Чересчур интимными. Но сегодня... Сегодня она вдруг поняла, что именно это ей и требуется. Такие ласки и поцелуи успокаивали и одновременно возбуждали. Но почему-то все время казалось, что этого совершенно недостаточно.

Сара ответила на поцелуй мужа. И в тот же миг поняла, что словно обезумела. Она уже ни о чем не могла думать, совершенно ничего не соображала. Правда, ей казалось, что муж целует ее и ласкает. И она вроде бы тоже его целовала. А потом он вдруг стащил с нее ночную рубашку и, раздвинув ей ноги, навалился на нее всем телом. При этом целовал ее груди, и еще он... Его пальцы коснулись ее лона, и Сара снова услышала собственный стон. И теперь она повторяла лишь одно слово: пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Он все делал нежно, осторожно, не торопясь. Но, как ни странно, Саре ужасно хотелось, чтобы Джеймс поторопился. Да, ей хотелось именно того, чего она надеялась избежать прошлыми ночами. Ей захотелось отдаться. Чтобы он взял ее. Чтобы вошел в нее.

Джеймс легонько теребил завитки волос меж ее ног, и Сара до боли закусила губу, чтобы не застонать. «Быстрее, пожалуйста, быстрее...» — твердила она мысленно.

И муж словно услышал ее мольбы. Чуть приподнявшись, он устроился меж ее ног и вошел в нее. «Как восхитительно!» — мысленно воскликнула Сара.

Боже, ведь именно этого ей так не хватало! Но почему же она сразу не могла это понять?

Ей захотелось, чтобы он вошел в нее поглубже, как можно глубже.

Затаив дыхание, она обхватила его руками и с силой прижала к себе. Джеймс снова приподнялся и начал двигаться. Его бедра то поднимались, то опускались. И в какой-то момент Сара вдруг осознала: то, что раньше ей казалось чем-то... неуместным и даже постыдным, теперь превратилось в нечто само собой разумеющееся. «Еще. Еще! Еще!» — мысленно кричала она.

С трудом удерживаясь от стонов, Сара впиалась ногтями в спину мужа. А он двигался все быстрее и быстрее, и в какой-то момент, уловив ритм его движений, Сара стала двигаться вместе с ним, раз за разом устремляясь ему навстречу.

— О Господи! — выдохнул Джеймс. — Сара, какое блаженство...

Она тоже так считала, она была с ним согласна. И все же ей казалось: что-то не так, чего-то не хватает.

— О, Джеймс!.. — воскликнула она с мольбой.

Она была уверена: он знает, что делать, должен знать!

Внезапно муж замер. Словно окаменел. И Сара в отчаянии чуть не разрыдалась.

Выходит, все кончилось? Но ведь чего-то явно не хватало. Во всяком случае, она не чувствовала полного удовлетворения.

А Джеймс чуть приподнялся над ней и заглянул ей в глаза; казалось, он искал в них ответ на какой-то свой вопрос, — судя по всему, очень важный для него.

Сара же молча смотрела на него, смотрела в полном замешательстве.

Но тут муж опять начал двигаться, и Сара вздохнула с облегчением. Она снова устремилась ему навстречу и теперь уже нисколько не стыдилась своих вздохов и стонов, — откинувшись на подушки, она стонала все громче и громче.

— О, Сара. Счастье мое. Сара!.. — задыхаясь, стонал Джеймс.

Ему казалось, ничто в мире не могло сравниться с этим наслаждением, которое он сейчас испытывал.

Сара в очередной раз выгнулась ему навстречу — и вдруг почувствовала невероятное, почти невыносимое напряжение, а потом... Потом она содрогнулась всем телом и громко закричала, почувствовав себя полностью освобожденной. Прерывисто дыша, она лежала в полном изнеможении и время от времени тихонько всхлипывала от счастья.

Джеймс вскрикнул почти в тот же миг, что и она. На какое-то мгновение — оно показалось бесконечным — он завис над ней, а потом рухнул на нее, придавив к матрацу.

Уже засыпая, Сара почувствовала, как муж целует ее в шею. В следующую секунду она провалилась в темноту.

Глава 2

Каждый раз, когда за дверью столовой раздавались шаги, Джеймс замирал в напряжении, забывая про тосты и копченую селедку. Услышав, как трудолюбивая служанка

прошагала мимо столовой в пятый раз, он вскопчил, распахнул дверь настежь и подпер ее первой попавшейся под руку вазой.

Вот так! Теперь он станет меньше походить на пса, который с нетерпением ждет свою хозяйку, потому что у той в кармане лежит сахарная косточка. Войдя, Сара не застанет его с набитым ртом. Вместо этого у него будет вид любящего и страстно желающего ее супруга.

Прошедшая ночь была... Если откровенно, то это была самая шокирующая ночь в его жизни. Не развратная. И не праведная. Просто полная сюрпризов.

В свое время у него были любовницы. Например, вдова богатого торговца. Потом завязалась мимолетная связь с довольно распутной гувернанткой. И продолжительный роман с женщиной немного старше его; муж этой дамы перебрался во Францию пятнадцать лет назад и отказался выписать ее к себе. Это были весьма приятные приключения, и он доставлял удовольствие всем этим женщинам.

Но Джеймс ошибочно предположил, что Сара совершенно не походит на них. Она казалась необыкновенно возвышенной. Невинной и сдержанной. С чувством меры. То есть это была, как ему представлялось, настоящая представительница благородного сословия, явно не склонная к плотским утехам.

Нельзя сказать, что Джеймс ничего не делал, чтобы доставить ей удовольствие. Вовсе нет. Он всегда ласкал ее. И был предельно осторожен, в особенности — в их первую брачную ночь. Но жена не очень-то реагировала на его ласки. Хотя другие женщины обычно распалялись до крайности, когда он начинал их ласкать. Сара же лишь немного расслаблялась, не более того.

Но так было только до этой ночи.

Снова поднявшись, Джеймс в очередной раз посмотрел в сторону открытой двери. Сара по-прежнему не появилась. Взглянув на часы, Джеймс невольно вздохнул. Увы, мешкать больше нельзя. Встречу с внезапно преобразившейся женой придется отложить.

— Проклятие... — проворчал он.

Сложив газету, отбросил ее в сторону. Ему очень хотелось увидеться с Сарой. Поцеловать ее перед уходом и убедиться в том, что она действительно изменилась, стала более нежной и страстной. Но он не станет ее будить. После такой ночи ей необходимо выспаться.

Взяв шляпу у дворецкого, Джеймс еще немного помедлил, поглядывая в сторону лестницы. Но в конце концов он все же покинул дом.

Проснувшись, Сара не сразу вспомнила, что произошло ночью. Ярко светило солнце, голова немного болела, а в горле было ужасно сухо. Поудобнее устроившись на подушках, она чуть приподнялась, осмотрелась — и вздрогнула, прижав руки к груди. Шумно выдохнув, села на постели и вдруг поняла, что сидит совершенно голая.

— О Боже! — вырвалось у нее.

И тут на нее нахлынули воспоминания, причем воспоминания эти были удивительно яркими. Она вспоминала, как стонала и содрогалась, как громко кричала и выла... Словно бездомная кошка, зовущая кота. А потом... Потом с ней случилось что-то вроде небольшого припадка. После чего она наконец затихла и уснула.

— О нет!

Сара всхлипнула, зажав рот ладонью. Что же теперь подумает о ней муж?

Сара снова осмотрелась. Джеймса в комнате не было. Тут взгляд ее упал на небольшие часики на каминной полке, и она невольно вздохнула. Было уже около десяти.

Следовательно, он давно ушел. И его теперь не будет дома какое-то время.

Сара вздохнула с облегчением и, откинувшись на подушки, натянула одеяло до подбородка. Черт побери, что же с ней вчера случилось? Можно было бы предположить, что так на нее подействовало вино, если бы не странное состояние, овладевшее ею еще до того, — то было какое-то непонятное и беспокойное нетерпение... А потом, когда муж дотронулся до нее... в ней словно что-то ожило. Что-то жаркое и трепещущее. Очень напоминающее голод.

И тогда она вдруг как-то утробно застонала. Стон этот напугал ее почти так же, как ее мысли. Если это животное поселилось в ней, в глубине ее души, то тогда понятно, что с ней произошло. В том и заключался ее секрет. Ее семейная тайна.

Сара поморщилась и проглотила комок, подкативший к горлу. Может, ей не следует так беспокоиться? Насколько она помнила, Джеймс ничуть не встревожился. Скорее он казался... Похоже, он даже воодушевился. Да, но ведь он не знал всей правды... Она *ничего* не рассказывала ему. Поэтому он и не встревожился. Поэтому и не стал ее расспрашивать, не попытался ей помочь.

Говоря по правде, она слышала, как точно так же кричала ее мать. Обычно в тех случаях, когда доктор заходил к ней для процедур и закрывал за собой дверь. А потом, после процедур, мать плакала, иногда — по нескольку дней.

Тут Сара наконец сообразила, что если и дальше будет лежать в постели, то это лишь добавит ей беспокойства. Отыскав ночную сорочку, она быстро надела ее, потом позвонила, чтобы приготовили ванну. Около одиннадцати, сидя над тарелкой с остывшим завтраком, Сара наконец-то поняла, что должна сделать.

Конечно, ей сейчас не очень-то хотелось общаться с экономкой, но Сара, пересилив себя, попросила передать ей, что хочет встретиться с ней в утренней гостиной. Через несколько минут, ополоснув руки, она вышла из столовой и направилась в гостиную. Экономка была уже там и ждала ее.

— О, миссис Бейлор, как вы так быстро... — пробормотала Сара с удивлением.

И действительно, трудно было понять, каким образом экономке, женщине весьма дородной, удастся передвигаться по дому столь проворно.

— Слушаю вас, миледи. У вас есть замечания по поводу утреннего меню?

— Нет-нет, все выше всяческих похвал. У вас все прекрасно получается.

Миссис Бейлор молча кивнула. Она ждала, что хозяйка скажет дальше. При этом она выразительно поглядывала на дверь, как бы давая понять, что у нее еще множество других хозяйственных забот.

— Видите ли, миссис Бейлор, — зашебетала Сара, — на сегодня у меня намечено несколько важных дел, поэтому я собираюсь забрать у вас одну из служанок. Сможете обойтись без Бетси, как вы думаете?

— Бетси? Какую из них вы имеете в виду, миледи? У нас их две.

Сара захлопала глазами. Две? А она-то считала, что все прекрасно обдумала... Ей требовалась та Бетси, которая совсем не умела читать. Сара узнала об этом, когда как-то раз услышана, как девушка объясняла миссис Бейлор, почему не может найти в кладовке нужные пряности. Сара в тот вечер пыталась научить их готовить кекс с пряностями, который прекрасно получался у ее бабки. Именно та девушка ей нужна сейчас.

Откашлявшись, Сара пробормотала:

— Ну... та самая девушка, что с каштановыми кудрями, которые все время вылезают у

нее из-под чепца.

— А... Поняла, — кивнула экономка. — Я уже говорила с ней об этом. И обязательно...

— Дело не в волосах, — перебила Сара. — Вы не могли бы отправить ее ко мне на время?

— Да, разумеется.

Сара расплылась в улыбке:

— Вот и чудесно, миссис Бейлор. Я буду готова через полчаса. Предупредите слугу, что мне потребуется карета.

Как только миссис Бейлор ретировалась, Сара бросилась к письменному столу и вытащила из ящика лист бумаги. Она ненадолго задумалась, затем дрожащей рукой набросала несколько строк. Подписываться не стала, но тщательно высушила чернила и аккуратно сложила листок.

Остальные приготовления не заняли много времени. Еще не прошли означенные полчаса, а они с Бетси уже сидели в карете.

Книжная лавка, в которую они сейчас направлялись, находилась совсем недалеко от дома, но Сара не часто жаловала ее своим посещением. Ей не очень нравился владелец, который — по сравнению с другими книжными торговцами — больше интересовался наукой и политикой, а не «этими ужасными романами», как он выражался. Но сегодня Саре требовался именно этот человек.

Как только карета, заскрипев, остановилась перед книжной лавкой, Сара сунула записку в руку Бетси и отсыпала ей пригоршню монет. Потом объяснила девушке, что нужно сделать, и со вздохом откинулась на спинку сиденья.

Бетси тотчас выбралась из экипажа и направилась к двери лавки. Сара же крепко сжала на коленях руки и приготовилась ждать. Минута проходила за минутой, а она все думала о Джеймсе. Интересно, думал ли он сейчас о ней? Может, эта ночь для него ничего не значила?

Открыв глаза, Сара посмотрела на дверь лавки. Никакого движения.

Может, у книготорговца возникли какие-то подозрения? Вдруг он сейчас расспрашивает служанку? Да нет, вряд ли торговец станет возражать против заказа.

«Просьба передать предъявителю сей записки три или четыре книги из самых популярных у Вас изданий на тему женского здоровья и супружеских отношений».

Поймет ли он, что этот заказ исходит от женщины? Сообщит ли о нем ее мужу?

Ею уже стала овладевать паника, но тут дверь лавки наконец-то распахнулась, и она замерла, затаила дыхание... В следующее мгновение на пороге появилась Бетси, и Сара вздохнула с облегчением.

Служанка вышла на улицу, поджав губы, с чрезвычайно серьезным выражением на лице, что вполне соответствовало ее нынешней роли — девушка, конечно же, понимала, что выполняет очень важное задание хозяйки. Но она вовсе не казалась возмущенной или испуганной — только была очень серьезна, не более того. Перехватив взгляд Сары, она вдруг улыбнулась и, быстро приблизившись к карете, заявила:

— Пришлось с ним как следует поторговаться, миледи, но я сбила цену до четырех фунтов!

Было очевидно, что Бетси очень гордилась собой, пусть даже совершенно не представляла, сколько на самом деле стоила покупка.

Решив, что четыре фунта — вполне приемлемая цена, Сара похвалила Бетси за

настойчивость. Усаживаясь в карету, служанка крепко прижимала к груди книги, Завернутые в бумагу, и Сара не смогла найти подходящего предлога, чтобы забрать их у нее. Тем не менее она с волнением поглядывала на стопку книг в коричневой бумаге. Бетси устроила их у себя на коленях, засунув пальчики под бечевку.

В одной из этих книг скорее всего находился ответ на мучивший Сару вопрос. Возможно, через несколько часов она узнает, было ли приступом болезни то, что случилось с ней минувшей ночью. Было ли это свидетельством того, что дурная кровь матери передалась ей по наследству. Но если так, то ей придется рассказать Джеймсу ужасную правду, сказать о том, что эта болезнь может перейти на их будущих детей. Но сейчас об этом даже думать не хотелось.

Когда карета наконец остановилась у дома, белые перчатки Сары покрылись на ладонях темными пятнами от пота. Они вошли в дом, и Бетси сразу направилась в сторону библиотеки, чтобы отнести туда книги. Но Сара остановила ее, взяв за локоть.

— Я сама, — сказала она, заставив себя улыбнуться. — Спасибо тебе, Бетси. Ты мне очень помогла.

Сердце Сары так сильно колотилось, что она даже не расслышала, что служанка сказала в ответ. Подхватив книги, она повернулась к лестнице и вдруг услышала низкий мужской голос:

— Где ты была, Сара?

Она вздрогнула, и по спине ее пробежали ледяные мурашки. Колени же подогнулись, и она с трудом удержалась на ногах.

— Что с тобой, дорогая?

Джеймс быстро приблизился к ней. Сара молча смотрела на мужа. Она не могла вымолвить ни слова.

Когда жена обернулась, Джеймс встревожился, заметив, какая она бледная. Подбежав к ней, он увидел, что губы ее дрожат. Пытаясь улыбнуться, она пробормотала:

— Ах, Джеймс, ты так меня напугал. Почему ты так рано вернулся?

Джеймс нахмурился.

— Ты хорошо себя чувствуешь, дорогая?

Он тронул ее за локоть. Сара отпрянула, но тут же поняла, что Джеймс заметил пакет у нее под мышкой.

— Со мной... все в порядке. Я ездила за... Просто мне нужно...

Он улыбнулся:

— Накупила книг?

— Я...

Сара потупилась.

— Да, книг, — добавила она шепотом.

— Ну и хорошо.

Джеймс провел ладонью по ее плечу, пальцами коснулся шеи и поразился тому, как подпрыгнуло при этом прикосновении его сердце. Наклонившись, он поцеловал ее в лоб и с улыбкой добавил:

— Можешь покупать столько романов, сколько твоей душе угодно. В конце концов, у нас есть библиотека, которую следует заполнить книгами.

Глаза Сары наполнились слезами, и Джеймс со смехом воскликнул:

— Дорогая, умоляю, не смотри на меня так! Да-да, ты смотришь с таким выражением...

словно я монстр какой-то.

Он произнес это слово и тут же подумал: «Конечно же, дело не в книгах, а в том, что произошло прошедшей ночью». Неужели он сделал ей больно? А может, напугал ее? Ох, как же он не сдержался?..

Сара покачала головой. Проглотив слезы, она сказала:

— Конечно, ты не монстр. Напротив, ты очень добрый и внимательный.

Джеймс со вздохом отстранился и проговорил:

— Знаешь, дорогая, может, пообедаем вместе? Ты не очень огорчишься, если тебе придется присоединиться ко мне?

Он рассчитывал, что за обедом с помощью шуток и веселой болтовни сумеет как-нибудь развеселить жену и вернет на ее щеки очаровательный румянец.

Она сделала глубокий вздох и расправила плечи. «Готовится к атаке?» — промелькнуло у Джеймса.

— С превеликим удовольствием пообедаю с тобой, — ответила она. — Утром у меня страшно болела голова. Пожалуйста, извини...

— Ах, голова?! Да, понимаю.

Разумеется, у Сары болела голова. У нее же не было обыкновения прикладываться к рюмке.

— Дорогая, если ты все еще плохо себя чувствуешь, я оставлю тебя в покое.

— Нет, не уходи! Пожалуйста, останься. Я сейчас вернусь.

Прежде чем он успел ответить, Сара развернулась и стала подниматься по лестнице, прижимая к себе стопку книг. Джеймс любовался ею, пока она не исчезла наверху.

Сара была такая хрупкая, такая женственная... Рядом с ней он всегда чувствовал себя огромным и сильным. Но сегодня ему впервые почудилось, что он гоблин с огромными ручищами, слишком грубыми и неловкими, чтобы управляться с таким изящным и очаровательным существом, как его жена.

Глава 3

Обед получился скучным и грустным, хотя Сара очень старалась быть веселой. Муж редко возвращался домой днем. В любой из таких дней из-за его неожиданного появления она почувствовала бы себя не в своей тарелке. Но сегодня все усугублялось чувством вины, которое медленно, но верно пожирало ее изнутри. Когда оно, это чувство, закончит свое пиршество, от нее останется лишь пустая оболочка. Ну и пусть — лишь бы все наконец закончилось.

Потом она вдруг сообразила, что, помимо чувства вины, ее еще одолевает и смущение. Ведь муж, наверное, вспоминает про то, что случилось минувшей ночью, когда так пристально разглядывает ее? От этой мысли Сара залилась краской и просидела с пылающими щеками до конца обеда.

А Джеймс, как всегда, был потрясающе мил; он все время пытался ее рассмешить. Она заставляла себя смеяться, и ей очень хотелось, чтобы ее смех был искренним.

Когда муж собрался уходить, он не поцеловал ее в щеку, как делал обычно, — нет, сегодня он поцеловал ее в губы. И у Сары от этого поцелуя перехватило дыхание. Услышав ее тихий стон, Джеймс посмотрел на нее с некоторым удивлением. Потом молча развернулся и ушел.

Сара вздрогнула при воспоминании об этой сцене. Зажав ладонью рот, она откинулась на спинку кресла. Лучи солнца, залившие спальню, ярко освещали стопку уже распакованных книг.

Еще один секрет от мужа.

Дрожащей рукой Сара взяла самую тонкую книгу — «Путь к счастливому браку. Советы доктора». Что ж, прошлой ночью, в темноте, она почувствовала себя вполне созревшей для подобного чтения.

Собравшись с духом, Сара раскрыла книжку и принялась читать.

В первых двух главах не содержалось ничего особенного, и ее даже потянуло в сон. В этих главах говорилось в основном о соответствии характеров, что способствует созданию успешного брака. А также о физических особенностях, которые влекут супругов друг к другу. Следовало бы попросить чаю, но, представив, что придется упаковывать книги и прятать их подальше, Сара отказалась от этой идеи и продолжила чтение. И очень скоро ее сонливость как рукой сняло.

Вот оно! Вот то место, которое надо изучить как следует.

«Частота супружеских отношений зависит от темперамента и расположения духа мужа. Жена, конечно, должна приспосабливаться к потребностям мужчины, но в то же время не должна покорно уступать ему. Невзирая на то что ее тело не возбуждается так, как это происходит у мужчин, оно отнюдь не пустой сосуд, как кому-то может показаться. Необходимо вызывать истечение собственного семени женщины, если супруги намерены обзавестись здоровым потомством. Еще со времен Аристотеля известно, что матка не начнет функционировать, если женщина не испытает оргазм».

«Оргазм!..» — выдохнула Сара. Само это слово вызывало озноб, от которого твердели соски. Оргазм. Кажется, именно это с ней произошло. Кульминация чувств, которую вызвал в ней муж.

Значит, тот приступ был очень кстати? Ведь ей очень хотелось иметь детей, безумно хотелось. Может, то было просто свидетельством, что она способна родить?

Приободрившись, Сара продолжала читать, выискивая нужные сведения. Автор излагал потрясающие подробности о беременности и родах, а также предостерегал от... «самоосквернения». Что бы это значило? Кроме того, утверждалось, что наслаждение, которое получают муж и жена, жизненно необходимо для здоровья обоих. Но самым интересным оказался рисунок, изображавший мужчину и женщину как их создал Бог — чтобы они дополняли друг друга, став единым целым.

Сара внимательно рассмотрела картинку, пытаясь представить Джеймса рядом с собой. Но тщетно! Такое никак не получалось представить. Ведь она очень старалась даже мельком не смотреть на ту часть его тела, чтобы... не испугаться. Сейчас ей казалось странным, что эта часть его тела побывала в ней, а она так и не разглядела ее. Конечно, ей следовало получше рассмотреть мужа.

Возможно, Джеймс тоже сможет научить ее чему-нибудь сегодня ночью. Может, поласкает ее — и ей снова захочется того же?

К тому времени, когда служанка постучала в дверь и спросила, будет ли она переодеваться к ужину, Сара уже чувствовала, что ей ужасно душно и жарко. И казалось, что одежда стала слишком тесной. Представив, что придется надеть вечернее платье, она невольно поежилась. Но все же встала и тщательно завернула книги в бумагу.

Скоро вернется Джеймс, и ей следовало переодеться, чтобы встретить его. И не важно,

останется он на ужин или нет.

— Может, это, миледи?

Мэри достала из гардероба какое-то платье.

Платье было зеленое хлопковое. Немного подумав, Сара покачала головой. Заглянув в шкаф, сказала:

— Сегодня я надену желтое шелковое.

Мэри кивнула и достала желтое платье.

— А прическа... — Сара ненадолго задумалась. — Давай распустим волосы.

— Да, миледи.

Мэри, казалось, ничуть не удивилась последнему пожеланию хозяйки. Сара же чувствовала себя... какой-то совсем другой. И ей даже стало интересно, заметно ли это со стороны. Заметно ли, что губы ее порозовели, а грудь стала выше? Но если нет, горничная ничего не замечает, — то разве обратит на это внимание кто-нибудь еще, например, Джеймс? Он придет, отдохнет со стаканом бренди и газетой, а потом на весь вечер отправится в клуб. От этой мысли ей стало легко... и досадно.

Солнце стояло еще довольно высоко, а Джеймс уже поднимался по ступеням своего дома. Вообще-то из-за густых облаков, висевших над Лондоном, он не видел солнца, но дневной свет был ярок. А вот мысли, одолевавшие его сейчас, были весьма мрачными.

Джеймс почти не сомневался, что вечером ему придется пойти к себе в клуб, чтобы избежать неловкости, возникшей между ним и женой по его вине. Просто он не учитывал характер Сары. Он попытался получить удовольствие от ее обворожительного тела и тем самым напугал ее, причинил беспокойство и заставил делать то, что ей не хотелось. Конечно, он допустил ошибку. Ведь Сара все-таки его жена, а не шляха.

Именно об этом он и размышлял весь день за обедом. Сара же за обедом старательно избегала его взгляда и была очень грустной.

Но потом он поцеловал ее.

Понимая, что ничего не исправить, он все равно поцеловал ее. И слава Богу, что поцеловал!

Она затаила дыхание как раз перед тем, как их губы соединились. Заглянув ей в глаза, он увидел, как они потемнели и стали огромными. И было очевидно: ей хотелось, чтобы он еще раз ее поцеловал.

И вот теперь, после всего этого, Джеймс даже не знал, что и думать, не знал, как себя вести. Он специально возвращался так рано — надеялся, что сумеет разобраться в характере своей жены.

— Как вы рано, мистер Худ, — пробормотал Кроуфорд, принимая у него шляпу и перчатки. — Вечерняя газета ждет вас в библиотеке, — продолжал дворецкий. — Подать туда прохладительные напитки?

— Э... Понятия не имею. Миссис Худ дома?

— Полагаю, она у себя спальне, сэр. Предупредить ее, что вы вернулись?

Джеймс посмотрел в сторону лестницы. И подумал о том поцелуе.

— Да, пожалуйста. И еще... Кук может подать ужин в течение получаса?

Дворецкий кивнул и удалился. А Джеймс тут же направился в библиотеку.

Какое-то время он медленно расхаживал по комнате — от окна к камину и обратно. Туда и обратно. Сегодня он ужасно огорчился, когда увидел, как глаза Сары наполнились слезами. Мысль о том, что он причинил ей боль, угнетала так же, как и в первую брачную

ночь, когда он должен был сделать это. Тогда он заставил себя выпить полстакана виски, прежде чем отправился к ней. И ему вдруг пришло в голову, что и нынешней ночью нужно сделать то же самое. А сейчас... Сейчас он поужинает с Сарой и попытается понять, что у нее на душе.

Тут дверь наконец-то отворилась, и он остановился, замер в напряжении.

— Джеймс... — послышался тихий голос.

Он повернулся к двери и посмотрел на жену, и все его страхи и опасения тотчас развеялись.

Встретив пристальный взгляд мужа, Сара в смущении потупилась. И даже немного встревожилась. Что Джеймс о ней подумает? Она почувствовала себя ужасно глупой, просто-напросто дурочкой. Вырядилась так, будто собралась на какой-то светский прием, а не на скромный ужин. В этом платье у нее слишком уж открытая грудь, а прическа... — как у оперной певички! Она решила изменить свой образ в надежде, что муж начнет ухаживать за ней. Но сейчас все эти потуги показались ей... излишне откровенными и даже дерзкими.

— Ты такая красивая... — пробормотал Джеймс.

И он не лгал — о том свидетельствовало выражение его лица. Сердце Сары гулко заколотилось.

— Спасибо, — ответила она так тихо, что едва расслышала собственный голос.

Джеймс подошел к ней и провел ладонью по ее щеке. Затем склонился к ней и поцеловал. Сара крепко зажмурилась, едва лишь почувствовала прикосновение его губ. Поцелуй его оказался долгим и нежным — как будто впереди у них была целая жизнь. Но так ведь, в сущности, и было.

Отстранившись, он улыбнулся и сказал:

— Сегодня весь день о тебе думал. И ужасно хотел поцеловать тебя.

Сара изобразила удивление:

— Мы же целовались совсем недавно. Сразу после обеда.

— Да, верно. И скоро продолжим. До вечера осталось совсем немного, и мы снова будем целоваться. Знаешь, мне кажется, у нас впереди целая вечность. И все же мне не терпится... Видишь ли, когда мужчина желает женщину, он думает только об этом, и ни о чем другом.

Сара вспыхнула и отступила на шаг. Направившись к окну, спросила:

— А женщины?..

— Понятия не имею, — ответил Джеймс. — Ты когда-нибудь ловила себя на том, что думаешь, как будешь целоваться?

Сара машинально теребила штору. Внезапно багет, на котором держались шторы, закрипел, и она отдернула руку. Повернувшись к мужу — однако не поднимая глаз, — тихо сказала:

— Да, иногда думаю. И не только о поцелуях, но и о более серьезных вещах...

После этих слов оба затаили дыхание. Несколько мучительных мгновений царил тишина, которую нарушало лишь тиканье часов, ставшее вдруг ужасно громким.

Наконец Джеймс откашлялся и пробормотал:

— Более серьезных?..

Сара вдруг поняла, что не в силах ответить. Поэтому молча кивнула.

— Дорогая, я думал... — Джеймс снова кашлянул. — Я боялся, что напугал тебя.

Сара невольно улыбнулась:

— А я боялась, что перепугала тебя.

Тут оба рассмеялись, и Джеймс сказал:

— Даже не думай об этом, дорогая. Ты не представляешь, сколько радости мне подарила, любовь моя.

— Значит, ты... — Она снова потупилась. — Ты останешься поужинать?

Джеймс расплылся в улыбке.

— Да, разумеется. — Он окинул взглядом ее желтое платье. — Я вообще не собирался никуда уходить.

«О Господи, теперь и Джеймс изменился! — мысленно воскликнула Сара. — Он сейчас совсем не такой, как несколько часов назад. Когда он приходил к обеду, он был совсем другим...» Сара украдкой взглянула на мужа. Да, верно, изменился. Веселье исчезло из его зеленых глаз, и теперь в них появилось... что-то угрожающее. А подбородок вроде бы стал массивнее и... сейчас выглядел так, будто его высекли из камня.

И тут Сара вдруг сообразила: муж изменился вовсе не за несколько часов, а за несколько секунд. А его якобы угрожающий взгляд означал только одно: он желал ее.

Быть желанной — это немного пугало. И вместе с тем возбуждало.

Муж сделал к ней несколько шагов, и Сара невольно вздрогнула. Ей вдруг захотелось выскочить из комнаты и убежать куда-нибудь подальше. Но в этот момент дверь отворилась, и на пороге появился Кроуфорд.

— Ужин будет подан, как только вы пройдете в столовую, — сообщил дворецкий.

Джеймс уставился на него в изумлении, словно не понимал, о чем речь. Потом усмехнулся и пробормотал:

— Да, конечно... — Он предложил жене руку: — Пойдем, дорогая.

Сара вздохнула с облегчением и взяла мужа под руку. И от одного лишь его прикосновения сердце ее радостно подпрыгнуло в груди.

«Моя жена думает о вещах более серьезных, чем поцелуи».

Сжимая в руке стакан с вином, Джеймс взглянул на часы.

«Моя жена, — повторил он мысленно, — думает о...»

Когда же начались с ней такие перемены? На этот вопрос у него не было ответа. И что означали подобные перемены? Может, то были проявления страсти? Или она просто начинает доверять ему? Возможно, такой сдержанной и благовоспитанной женщине, как Сара, требуется какое-то время, чтобы привыкнуть к тому, что к ней прикасается мужчина. Как бы то ни было, сейчас он не мог думать ни о чем другом, кроме постели...

Проклятие! Большая стрелка часов словно остановилась. Наверное, что-то не так с часовым механизмом. Ведь если верить часам, то выходит, что прошло всего лишь пять минут, после того как Сара поднялась и отправилась готовиться ко сну.

Ужин удался на славу, пусть даже они с Сарой немного нервничали. Наконец она поднялась и сказала, что пойдет в спальню. Улыбнувшись, добавила:

— Я позову Мэри, чтобы помогла мне раздеться. А у вас, мистер Худ, есть ваш портвейн.

В следующее мгновение она стремительно вышла из комнаты.

Джеймс улыбнулся, вспомнив, как прелестно выглядела жена в желтом платье с глубоким вырезом. Он прекрасно знал: она сейчас готовилась вовсе не ко сну. Она готовилась встретить *его*.

Он снова посмотрел на часы. Прошла еще одна минута. Выходит, всего шесть. Шесть

минут достаточно? Должно быть, достаточно.

Джеймс решительно отставил стакан и направился к лестнице. У себя в гардеробной он остановился и прислушался. Из их общей спальни не доносилось ни звука. Она уже улеглась и ждет его в постели? Думая о чем-то «более серьезном»?

Джеймс рывком снял галстук, скинул жакет и взялся за ручку двери.

— Ой!.. — раздался женский возглас.

То ли жены, то ли горничной. Он не понял. Но обе повернулись и вытаращились на него. Горничная в этот момент распускала на Саре корсет. А та была без турнюра и без нижних юбок.

— Видишь ли, я...

Джеймс пытался придумать какое-нибудь объяснение. Но как объяснить столь раннее появление в спальне? Хорошо, что хоть не ворвался сюда в чем мать родила.

— Прошу меня извинить. — Он улыбнулся. — Вижу, что поторопился.

Сара покачала головой:

— Нет-нет, просто Мэри не ждала меня так рано, поэтому...

— Простите, сэр, — прошептала девушка. — Так как же, миледи?..

Она вопросительно взглянула на хозяйку.

Джеймс откашлялся и пробормотал:

— Может быть, мне?..

Его жена посмотрела на него, потом на служанку. После чего заявила:

— Я не сомневаюсь, что мы и сами смогли бы закончить. Мэри, ты можешь просто распустишь все остальные узлы?

Мэри кивнула и принялась выполнять пожелание хозяйки. Через несколько секунд узлы были развязаны, а концы тесемок болтались за спиной у Сары. Служанка быстро присела и направилась к двери. Казалось, что она прикрывала за собой дверь с особой тщательностью.

По-прежнему, стоя у порога гардеробной, Джеймс молча смотрел на жену, любуясь ею. Щеки ее порозовели, а губы чуть приоткрылись. Сейчас она казалась необычайно робкой и невинной. Но все равно она его желала — в этом не могло быть сомнений.

Джеймс медленно пересек комнату. Приблизившись к жене, он окинул ее взглядом. На ней сейчас была перехваченная в талии шемизетка из газа. Такой он Сару еще не видел... Вроде бы почти одетая и одновременно — почти голая.

Руки его дрожали, когда он взялся за корсет. Немного помедлив, Джеймс потянул за завязки. Потом дернул несколько раз, и корсет разошелся. И тотчас же послышалось прерывистое дыхание Сары. Впрочем, он и сам дышал точно так же.

Тут Сара опустила голову и принялась расстегивать передние крючки на корсете. Когда же расстегнула последний крючок, корсет упал на пол. Джеймс тут же прижал руку к ее спине.

— Ах!.. — вздохнула Сара.

— Должно быть, это огромное облегчение — избавиться от такой обузы, как корсет.

— Да, конечно.

Он провел по ее спине ладонью.

— О, Джеймс, как приятно...

Он принялся поглаживать ее спину обеими руками, и на каждое его прикосновение она отзывалась тихим стоном. И эти ее стоны били по нервам, возбуждали. Возбуждали настолько, что Джеймс едва сдерживался.

Через минуту-другую он положил руки ей на плечи и прижал к себе. Затем, наклонившись, коснулся гулами ее шеи. Сара снова застонала, потом прошептала:

— А ты не можешь?.. — Она судорожно сглотнула. — Ты не можешь убавить свет в лампе?

Джеймс молча отступил от нее и потянулся к лампе. Правда, не было особого смысла гасить свет. В лучах заходящего солнца все было прекрасно видно, так как шторы никто не задергивал. Решив, что не стоит это делать, Джеймс принялся расстегивать на себе сорочку.

Широко раскрыв глаза, Сара наблюдала за ним — смотрела как замороженная. Когда же Джеймс стащил с себя рубашку, она закрыла глаза.

— Я тебе не нравлюсь? — спросил он.

— Конечно, нравишься.

Ресницы ее дрогнули, и она взглянула на его грудь. Тут же потупившись, пробормотала:

— Но я не должна... смотреть на тебя раздетого.

Джеймс невольно рассмеялся:

— Почему же не должна? Если тебе нравится смотреть, то смотри. Или ты считаешь, что это не принято?

Сара молча пожала плечами. Джеймс взял ее за руку и подвел к кровати.

— Закрой глаза, дорогая, — прошептал он.

Она кивнула и закрыла глаза. Джеймс тотчас же приподнял ее шемизетку и увидел панталончики, ослепительно белые на чуть смугловатой коже. Но ему хотелось увидеть ее всю — увидеть всю целиком. Стащив с жены шемизетку, он дернул за завязки на панталонах, затем стащил и их. И вот наконец... О Боже! То, что он увидел ее мельком в свете луны, не шло ни в какое сравнение с этим чудесным видением. Небольшие груди с нежно-розовыми сосками. Тонкая талия, плавно переходившая в пышные бедра. И темный треугольник с завитками волос. Глядя на жену, Джеймс с трудом удерживался от стога.

А Сара не сделала ни единого движения, чтобы прикрыться. Просто стояла, закрыв глаза.

Шумно выдохнув, Джеймс опустился перед ней на колени. Но оказалось, что пальцы его слишком толстые и неловкие — никак не получалось расстегнуть застёжки у нее на чулках. От вида ее наготы кружилась голова. И еще он чувствовал исходящий от нее жар. Ему вдруг захотелось удивить Сару, поразить, пожалуй, даже шокировать. И захотелось узнать, как она отреагирует на такую ласку!

Кое-как справившись с застёжками, Джеймс спустил с жены чулки. Потом медленно провел руками вверх по ногам и прижал ладони к ягодицам. Сара тихонько застонала, ее бедра немного подались вперед, и он увидел нежно-розовые складки меж ее ног.

Джеймс еще крепче прижал ладони к ее ягодицам, а затем прикоснулся губами к темным завиткам между ног.

Сара снова застонала, но не отшатнулась.

А Джеймс, отстранившись на мгновение, чтобы заглянуть ей в лицо, поцеловал ее в лоно, затем провел кончиком языка по нежным розоватым складкам.

— О, не надо! — вырвалось у Сары.

Джеймс немного помедлил, раздвинув складки, затем снова поцеловал жену между ног. Наконец-то он почувствовал, какая она на вкус. О, у нее восхитительный вкус!

— Но ты... не должен... — запротестовала Сара. При этом она запустила пальцы ему в волосы и прижала его к своему лону. — Пожалуйста, не надо.

Он поднял голову и снова заглянул ей в лицо.

— Дорогая, открой глаза. — Сара покачала головой. — Открой, пожалуйста.

Он решил, что остановится, если она не откроет глаза. Да, остановится, извинится и уложит ее в постель.

Но Сара открыла глаза. И ему тут же захотелось сделать так, чтобы она громко закричала, застонала, чтобы содрогалась в рыданиях. Он еще шире раздвинул складки и снова принялся ласкать ее губами и языком.

Сара опять вцепилась ему в волосы и громко застонала. Стоны вырывались из ее груди один за другим, и все тело ее содрогалось. В какой-то момент ноги ее подогнулись, и она рухнула бы на пол, если бы Джеймс вовремя ее не подхватил. Усадив жену на кровать, он раздвинул ее ноги и опустил на колени. И в тот же миг Сара, задыхаясь, прохрипела:

— Джеймс, а мы правильно поступаем?

— Да, конечно!.. — Он судорожно сглотнул. — Не бойся, дорогая...

«Когда будет думать о чем-нибудь «более серьезном», пусть вспоминает об этом», — добавил он мысленно.

Сара выдержала лишь несколько секунд, а затем раздался ее громкий стон:

— О, я не вынесу!.. Пожалуйста, не надо!

Оттолкнув мужа, она сдвинула колени и, выпрямившись, спросила:

— Что ты... делал?

— Я целовал тебя, дорогая. Только и всего.

Она уставилась на него в изумлении:

— Только и всего?.. Но разве мужчины... Разве люди занимаются этим?

— Да, занимаются.

Она какое-то время молча смотрела на него.

— Джеймс, ты уверен?

— Уверен. Но если тебе не нравится, то я не буду.

— О!.. — Сара опустила голову, и ему показалось, что она смотрит туда, где только что находился его язык. — Не могла представить, что это может доставить тебе удовольствие.

— Поверь, я получил огромное удовольствие. А тебе, Сара, понравилось?

Она молчала, и Джеймс добавил:

— Можешь просто сказать «да» или «нет».

Сара судорожно сглотнула.

— Что ты молчишь, дорогая?

— Да, — шепнула она и снова потупилась.

— Тебе действительно понравилось?

— Да.

— А завтра, Сара? Мы займемся этим снова?

— О, я... Д-да.

Глаза ее наполнились слезами.

И тут Джеймс вдруг устыдился своей несдержанности. И своей животной похоти.

— Ах, любимая, прости. Мужчины становятся настоящими животными, когда их переполняет похоть. И судя по всему, я не исключение.

Он встал, помог жене подняться на ноги и откинул одеяло.

— Ложись, милая.

Тщательно прикрыв Сару, Джеймс уселся на край кровати и уронил голову на руки.

Господи, так ведь можно все испортить. Да, он может отпугнуть жену своей необузданной похотью. Ох, что же он за мужчина, если не может контролировать себя? И разве настоящий муж станет доводить жену до слез?

Тут Сара легонько погладила его по спине — словно бабочка коснулась крылышками, — и прошептала:

— Джеймс, тебя переполняет похоть?

— Переполняет, но я могу с ней справиться. Не беспокойся.

Наверное, ему надо уйти к себе в гардеробную и там все обдумать в одиночестве. И наверное...

Сара прервала его размышления.

— Ко мне? — спросила она.

Он взглянул на нее с удивлением:

— Ты о чем?

— Тебя переполняет похоть ко мне?

Джеймс замер. Теплая ладонь жены по-прежнему лежала у него на спине.

— Конечно, к тебе, Сара.

— А я... — Она на мгновение потупилась. — Мне это тоже нравится.

Сердце у него бешено заколотилось, и она, сделав глубокий вздох, добавила:

— Прости, я такая нервная... Нельзя быть такой.

Джеймс взял жену за руки и пристально взглянул на нее:

— Дорогая, если ты нервная, то это моя вина. Нам ни к чему торопиться. У нас целая жизнь впереди. Тысячи ночей.

Сара молча смотрела на него. Потом лицо ее озарилось улыбкой, и она воскликнула:

— Тысячи?! Неужели!

Джеймс тоже улыбнулся:

— Думаешь, преувеличиваю?

— Нет, просто ты напомнил мне, что, наверное... — Она густо покраснела. — Наверное, мне пора увидеть тебя всего, понимаешь?

Джеймс в недоумении посмотрел на жену:

— Ты о чем, дорогая?

Сара несколько секунд молчала, потом в смущении пробормотала:

— Я хочу сказать... Я еще ни разу не видела то, чем ты... Не видела твой... инструмент.

Сначала Джеймс почему-то вспомнил про скрипку, лежавшую у него в гардеробе на верхней полке. Потом вдруг сообразил, о чем речь, и громко расхохотался. Конечно, грешно было смеяться, но он не смог сдержаться. Слава Богу, Сара не обиделась, хотя и закрыла лицо ладонями, украдкой поглядывая на него сквозь пальцы.

— Ох, прости, дорогая... — Все никак не мог он уняться. Джеймс снова хохотнул. — Разумеется, тебе интересно посмотреть... на хищника, который охотится за тобой каждую ночь.

— О, Джеймс! — воскликнула Сара.

Чувствовалось, что она едва сдерживает смех.

Тут он поднялся на ноги и принялся распускать ремень. Потом начал расстегивать пуговицы. Наконец спустил брюки и подштанники. И в тот же миг Сара замерла и уставилась на него во все глаза. Причем было очевидно, что ей уже не до смеха.

Глава 4

Проснувшись на следующее утро, Сара тотчас же вспомнила все, что произошло накануне. Прошедшая ночь предстала перед ее мысленным взором необычайно яркой и живой. Наконец-то она увидела Джеймса совершенно обнаженным!

Сначала, услышав ее просьбу, он очень развеселился. А затем безо всякого смущения принялся снимать с себя одежду — все до последнего лоскута.

От такой его дерзости Сара ужасно смутилась. Но все же убрала ладони от лица — ведь сама же попросила мужа раздеться.

И оказалось, что их тела в каком-то смысле были одинаковые, но вместе с тем — совершенно разные. Прямые линии — у него. У нее же все плавное и округлое. Там, где его тело было жестким и твердым, ее, напротив, — мягким и нежным. И конечно, его естество... Гордо выставленное. А у нее — стыдливо запрятанное.

Хотя Сара сейчас и разглядывала мужа с ног до головы, ей уже не было так стыдно, как в предыдущие дни. Она даже осмелилась провести пальчиком по его возбужденной плоти. А он стоял не шевелясь — как статуя. Хотя от него веяло жаром. Через некоторое время, осмотрев тело мужа во всех подробностях, Сара молча кивнула и откинула одеяло, давая понять, что приглашает его к себе.

А утром, улыбнувшись ярким солнечным лучам, уже добравшимся до постели, Сара вздохнула с облегчением. Теперь ей стало известно о муже гораздо больше. Да и свое собственное тело она узнала получше. Сегодня, ранним утром, Джеймс доказал ей, что она даже о самой себе знала далеко не все.

Он разбудил ее, целуя и поглаживая, а потом взял *сзади* — так жеребец покрывает кобылу. Вспомнив об этом, Сара улыбнулась и покраснела. И теперь уже она точно знала: Сара Роуз Худ любит своего мужа. Вне всяких сомнений.

Тут вдруг послышались шаги со стороны гардеробной, и Сара получше прикрылась одеялом.

Через секунду дверь отворилась, и в комнату вошла Мэри.

— Доброе утро, миледи. — Девушка улыбнулась ей. — Сказать, чтобы подавали чай?

— Да, пожалуйста. И еще я приму ванну.

— Разумеется, миледи.

Дернув за шнур звонка, чтобы распорядиться насчет чая, Мэри нагнулась и принялась что-то подбирать с пола. Сара сразу же вспомнила про стопку книг, которую прятала под кроватью. Но Мэри, выпрямившись, держала в руках вовсе не книги, а брюки Джеймса. Снова наклонившись, горничная подобрала и чулки хозяйки.

Вся остальная одежда лежала в самой середине комнаты. Тут были корсет и сорочка Сары, а также ее панталончики и рубашка Джеймса.

«О Господи!» — мысленно воскликнула Сара. И тут же притворилась, что снова заснула. Только бы Мэри оказалась не из тех служанок, которые любят посплетничать с соседскими. Ах, какое скотство! А ведь на вид такая благодетельная, такая скромная!

Хотя, наверное, не следует беспокоиться? Пусть говорят, что хотят.

Принесли чай. А потом и ванну. Сара услышала, как звякнул металл, когда ее устанавливали в гардеробной. И услышала журчание воды. Джеймс пообещал, что на следующий год устроит специальную ванную комнату, но этим утром Сара была рада, что все приготовления шли так долго.

— Мэри, стукнешь в дверь, когда ванна будет готова? — пробормотала она, сделав вид, что только проснулась.

Девушка кивнула и прикрыла дверь в гардеробную.

Как только дверь закрылась, Сара выскочила из постели — совершенно голая! — чтобы достать книги. Ей хотелось побыстрее и как можно больше узнать о женщинах. Хотелось узнать о женщинах *все*.

Вытащив сверток, она снова забралась в постель и, разорвав упаковку, взяла одну из книжек. Затем с чашкой чая в руке погрузилась в чтение.

Через четверть часа Мэри постучала в дверь, избавив хозяйку от скуки. Вторая книжка была не совсем такая, как первая. В ней описывались разные прозаические стороны семейной жизни. Как экономить на еде. Как экономить на слугах, Как соответствующим образом обращаться с супругом на людях и наедине. Когда автор наконец добрался до темы спальни, он стал выражаться настолько осторожно, что Саре приходилось угадывать, что именно имелось в виду.

С радостью воспользовавшись поводом прервать чтение, Сара собрала книги и сунула их обратно под кровать, прикрыв бумагой. В гардеробной осторожно опустилась в ванну, стараясь не расплескать воду. Вода же оказалась слишком горячей, так что даже заныло между ног. А может, это не от воды? Может, Джеймс слишком уж усердствовал? Вспомнив, как это происходило, Сара захихикала, и вода тут же плеснула на пол.

И только сейчас Сара вдруг сообразила, что впервые в жизни забралась в ванну голышом.

После ванны она тщательно оделась, причем выбрала платье с прицелом на то, чтобы понравиться мужу. Потом попробовала набросать меню на следующую неделю, старательно избегая блюд, которые упоминались в той скучнейшей книге. Против обыкновения Сара сегодня никуда не поехала, а вместо этого принялась ждать. «Придет ли он на ленч или нет?» — спрашивала она себя.

Джеймс так и не появился. Можно было бы обидеться, но он прислал с посыльным потрясающий букет цветов и записку с извинениями. Поэтому Сара решила, что обижаться не стоит.

— Пусть поднос с ленчем отнесут в мою комнату, — приказала она служанке, прибиравшей в гостиной. Затем быстро поднялась к себе, чтобы продолжить чтение.

Она не знала, можно ли брать порядочную женщину сзади, как это сделал Джеймс. И не знала, можно ли целовать *туда*. Ох, она многого не знала... Например, чем еще они могут заниматься наедине?

В ожидании ленча Сара принялась перелистывать книгу. Ей хотелось посмотреть какие-нибудь интересные картинки. К сожалению, этот автор предпочитал рисункам текст. Невольно поморщившись, она спрятала книгу в юбках, когда услышала за дверью шаги.

Ей показалось, что это шаги Джеймса. Но вместо него появилась судомойка Бетси с подносом в руках. Пока девушка наливала чай, Сара успела съесть кусочек хлеба с маслом. Как только дверь за служанкой захлопнулась, Сара выложила книгу на стол.

«Замужние женщины. Трактат о специфических чертах здоровья жены и матери».

Так, о чем-то «специфическом». Это как раз про нее.

Сара тихонько рассмеялась. Однако от ее веселья не осталось и следа, когда она увидела имя автора. Доктор Малькольм Уитком!

«Значит, Уитком?» — думала Сара, разглядывая тисненную золотом обложку, на

которой значилось имя автора. Это имя было ей знакомо. Но почему она вдруг почувствовала такую тяжесть на душе?

— Доктор Уитком... — со вздохом пробормотала Сара, внезапно вспомнив обо всем.

И кусочек хлеба выпал из ее рук и шлепнулся на ковер.

Ведь это доктор ее матери! Тот самый человек, который несколько лет лечил мать, пока та не умерла. Элегантный, вежливый и красивый мужчина, которого очень беспокоило ухудшение здоровья пациентки.

И тут Сара вдруг поняла, почему купила эти книги. Вовсе не для того, чтобы узнать побольше об интимных отношениях мужчины и женщины. И конечно же, не для того, чтобы пощекотать нервы. И не из любопытства, разумеется. Страх толкнул ее в ту книжную лавку. И теперь этот страх вернулся!

Забыв про еду, с книгой в руке, Сара подскочила к двери и закрыла ее на ключ. Потом уселась в кресло у камина и склонилась над раскрытой книгой.

Сара старалась читать медленно, но поневоле начинала пропускать отдельные слова и целые фразы. Судя по всему, Уитком полагал, что предельная сдержанность женщин защищает их от врожденных слабостей. Жизнь в уединении обеспечивает им защиту от грубой реальности. И он считал, что излишнее внимание со стороны мужчин делает женщин более уязвимыми.

«Женщина — существо не сексуальное. Ножны созданы для того, чтобы в них держали меч, а не для того, чтобы ими сражаться. Жена принимает знаки внимания мужа, потому что уготована к этой цели, а не потому, что ею овладевает желание. Однако тонкая душевная организация женщины может серьезно пострадать от мужской похоти. Женщина не в силах понять этих отношений. Для нее в них нет смысла. И если так, тогда ее мозг, слабый изначально, может пострадать от специфических расстройств, которые потом приведут к серьезным психическим заболеваниям».

Слабый изначально? Она надеялась, что это не так, но вот все остальное... От всего остального у нее задрожали руки. Супружеские обязанности были для нее чем-то незнакомым, а в самом начале даже страшным. В первое время желание не овладевало ею.

Сара посмотрела на шнурок звонка, почувствовав, что ее потянуло выпить стаканчик хереса, чтобы успокоить нервы. Но она уже до этого слишком уж удивила слуг. Они могут сообщить мужу, что она начинает пить вино среди бела дня.

Тяжело вздохнув, Сара вновь склонилась над книгой. Она читала быстро, перелистывая страницу за страницей.

Как утверждал доктор Уитком, существовало несколько разных проявлений психических расстройств. Паранойя. Ипохондрия. Депрессия. Болевые судороги и спазмы родового канала.

Несмотря на жуткие описания, Сара стала успокаиваться. С ней-то все было в порядке. Эти болезни не имели к ней никакого отношения.

Но она расслабилась слишком рано.

Нимфомания. Заголовок словно бы кричал... Необузданное стремление к сексуальному общению и желание сексуальных контактов...

Что ж, в этом было кое-что знакомое. Сначала ей захотелось посмеяться, но потом, пробежав глазами страницу, она тяжело вздохнула.

«Нимфомания, известная также как эротомания, — наиболее коварное из всех женских расстройств. Начинается с постоянных «приливов». Затем появляется бессонница.

Состояние замешательства. Возникает желание физической стимуляции, за которым следует чрезмерное увлечение мыслями о супружеских обязанностях».

— Только не это! — выдохнула Сара. — О Господи!

Она с силой зажала ладонью рот. Нимфомания? Может, это то самое неизвестное состояние, которое преследовало ее?

«Несмотря на то, что в здоровых семьях супружеские обязанности, как правило, исполняются не реже одного раза в неделю, страдающие нимфоманией могут провоцировать сексуальные контакты каждую ночь, возможно даже — по несколько раз в течение суток. Утро или полночь — не имеет никакой разницы для этих жалких созданий. Такая одержимость не имеет никакого отношения ни к супружескому долгу, ни к деторождению и создает потенциальную опасность для здоровья супруга. При отсутствии благопристойности мужчина также может стать жертвой своих инстинктов. Ненасытность жены вынудит его воспользоваться противоестественными видами стимуляции гениталий, так как он будет не в силах по-другому удовлетворять ее желания».

Резко выпрямившись, Сара швырнула книгу на пол. Она никак не могла избавиться от чувства... гадливости. И даже вытерла руки о юбку — словно пыталась избавиться от грязи.

Противоестественные виды!.. Похоже, у них с Джеймсом случилось именно это. И именно она виновата, она соблазнила мужа. К тому же испытала оргазм три раза... за какие-то несколько часов. Она была ненасытной. То, что казалось наслаждением, сейчас представлялось опасными симптомами.

Так что же все это означает? Если она больна, — можно ли излечиться? Не станет ли ей еще хуже?

С неистово бьющимся сердцем Сара разглядывала обложку книги. И ей вдруг почудилось, что эта книга — живое существо, которое живет своей собственной жизнью. Существо мудрое, всезнающее. Все симптомы, которые она у себя находила, были изложены так ярко, так убедительно... И все, что она дальше прочтет, будет сущей правдой. Следовало дочитать до конца, но страх словно сковывал — она никак не могла протянуть руку за книгой.

«Не смей трусить», — сказала себе Сара. Ведь теперь получалось, что ее брак — да и вся жизнь! — зависели от того, что будет дальше изложено в этой книге.

Сделав глубокий вздох, Сара нагнулась за книгой, но тут же выпрямилась и принялась расхаживать по комнате, пытаясь себя успокоить.

Возможно, не было никакого повода думать, что этот доктор прав, а все остальные — нет. Разве она не прочитала в другой книге, что женщины должны испытывать удовольствие и желание? Ведь тот автор утверждает, что оргазм необходим женщине, чтобы зачать ребенка, чтобы сохранить гармонию в семье. И наверное, он прав. Должен быть прав!

А как же в таком случае доктор Уитком?.. Да, действительно, этот доктор лечил ее мать, что, возможно, придает определенный вес его словам. Но ведь ее матери не полегчало... Наоборот, для нее все очень плохо закончилось. Так что доктор Уитком отнюдь не бог.

Сара остановилась и посмотрела на книжку.

Она обманом завлекла Джеймса в этот брак. И ей придется выяснить, был ли этот обман невинной уловкой или... чем-то ужасным.

Проходившие мимо люди мелькали в густом тумане. Вернее не люди, а смутные очертания людей. А туман — липкий и грязно-серый, как холодная овсянка, — становился все гуще. Сара то и дело натыкалась на людей, шедших по своим делам — за покупками, в любимую таверну или домой. С тревогой в голосе ее позвала служанка, и она сбавила шаг, чтобы та догнала ее.

— Миледи... — Бетси задыхалась от быстрой ходьбы, — что случилось?

Наверное, можно было бы сейчас не брать с собой свою неграмотную наперсницу, но с Бетси она чувствовала себя спокойнее — словно служанка уже стала неотъемлемой частью ее тайны.

— Нет, ничего, — ответила Сара. — Пойдем же.

Отец с мачехой жили неподалеку от их с Джеймсом дома. Поэтому, невзирая на погоду, Сара решила отправиться к ним пешком — от одной мысли, что придется сидеть в духоте наемной кареты, становилось дурно.

И постоянно вспоминались фразы, вычитанные из книги. Ужасные фразы. «Чаще всего заболевание передается по наследству... Расстройство может привести к истерии... Неумолимое скатывание к лунатизму... Пребывание в психлечебнице...»

Сара прижала ко рту платок, чтобы заглушить рыдания. Если ей передалась болезнь матери, тогда какое же несчастье она навлечет на Джеймса?! Отец прошел через все это и дорого за это заплатил. Когда-то он был разговорчивым, веселым и приветливым, а потом... каждый месяц добавлял ему морщин. И с каждым годом тускнели глаза. И в конце концов... В конце концов, его горе стало больше походить на ненависть к жене.

Они никогда не говорили о матери после ее смерти. Сара и не рассчитывала, что он заговорит об этом сейчас. Но может быть, его нынешняя жена что-то знает? Не обязательно, конечно, но не исключено.

Наконец Сара добралась до улицы, где когда-то жила. Прежде чем свернуть за угол, она остановилась и дождалась, когда ее нагонит Бетси. Не давая ей перевести дыхание, Сара снова зашагала.

— Ты побудешь на кухне, а я выпью чаю с мачехой, — бросила она через плечо.

Девушка молча закивала.

— Подождите! — крикнула Бетси, когда Сара уже поднялась на первую ступеньку.

Вздвогнув, Сара остановилась и обернулась. Служанка же подошла к двери и сама постучала в нее дверным молотком. Бетси была девушкой серьезной и считала, что все нужно делать как полагается. «Прежде чем я сойду с ума, мне нужно назначить ее экономкой», — промелькнуло у Сары. Она невольно рассмеялась при этой мысли. И в тот же миг дверь распахнулась.

— Миссис Худ! — с улыбкой воскликнул дворецкий. — Как я рад вас видеть!

— А я рада видеть вас, Макнил. Моя мачеха дома? Извините, что без предупреждения, но я ведь живу тут по соседству, так что сами понимаете...

— Я сейчас сообщу вашей мачехе...

Он не успел договорить, потому что в этот момент из гостиной стремительно вышла Лорелея.

— О, Сара! Какой сюрприз! Я только что налила себе чаю. Присоединишься ко мне?

— Не помешаю?

— Конечно, нет!

Лорелея рассмеялась и повела Сару за собой.

Как-то странно было думать об этой женщине как о своей о мачехе. Лорелея была всего на семь лет старше Сары. И всего пять месяцев, как замужем за ее отцом.

Но все же Сара любила ее. Впрочем, по-другому и быть не могло. У нее была очень добрая улыбка. И глаза светились радостью, когда она смотрела на Сару. Сара же прекрасно знала, почему именно Лорелею отец выбрал себе в жены. Невозможно было представить, что такая женщина может впасть в меланхолию.

— Нам нужно поскорее пригласить вас с Джеймсом на ужин, — заявила Лорелея, усевшись; и тут же воскликнула: — Ах, мы с тобой не виделись уже недели две!

— Это все по моей вине, конечно, — пробормотала Сара. — У меня давно была мысль устроить небольшую вечеринку, но я все забывала... Сегодня же поговорю с Куком.

Лорелея подала ей чашку с чаем, положив два кусочка сахара — именно так любила Сара.

— Ты стала рассеянной? Может, тебя еще и мутит по утрам? — Лорелея взглянула на живот Сары. Та в смущении покачала головой:

— Нет-нет, пока нет.

Лорелея расплылась в улыбке и вдруг выпалила:

— А я — да! Поэтому по утрам чувствую себя ужасно.

— О!..

— Дорогая, давай об этом и поговорим. В конце концов, мы с тобой взрослые замужние женщины, верно?

— Да, конечно, — кивнула Сара. — Значит, ты полагаешь...

Она недоверчиво взглянула на плоский живот Лорелеи.

— Да, разумеется! И я так счастлива!.. Твой отец тоже. Теперь у тебя появится сестренка.

— Сестренка?.. — переспросила Сара в изумлении.

Наверное, ей следовало улыбнуться хотя бы для того, чтобы поддержать радостное настроение мачехи. «Но неужели, — думала она, — неужели отец занимается с Лорелей тем же самым, чем и мы с Джеймсом? И если она действительно забеременела, то значит... Значит, она получает удовольствие от супружеских обязанностей?» В конце концов Сара отбросила эти мысли. Думать об этом не хотелось.

Чтобы скрыть смущение, она обняла мачеху и с улыбкой воскликнула:

— Я так рада за тебя!

— Мне всегда хотелось стать матерью, — ответила Лорелея. — Да, всегда!

— Из тебя выйдет прекрасная мать, — сказала Сара. Откашлявшись, она расправила юбки. — Скажи, а ты когда-нибудь...

Она умолкла и сделала глоток чая. Собравшись духом, спросила:

— Отец когда-нибудь рассказывал тебе про мою мать?

Улыбка на лице Лорелеи сменилась удивлением.

— О, Сара, прости, пожалуйста... Мне не хотелось быть бестактной, и я...

— Ты здесь ни при чем. Не говори глупости, — перебила Сара. — В последнее время я часто думаю о матери. И вспоминала про нее сразу после свадьбы.

— Да, понимаю... — кивнула Лорелея. — Знаешь, а я думала, что уже никогда не стану матерью. Твой отец, по-видимому, тоже так решил. Решил, что я уже ни на что не годна. Вот глупый! — Немного помолчав, она спросила: — Так что же ты хотела узнать?

Сара пожала плечами:

— Хоть что-нибудь. Отец совсем ничего не рассказывал про нее?

— Нет, ничего. Ты же знаешь, какой он молчун. Мне лишь известно, что перед смертью она долго болела. — Лорелея сжала руку Сары. — Наверное, тебе было очень тяжело...

— Мне тогда было всего семь. Так что я мало что помню, — солгала Сара.

— Все равно. — Лорелея хлюпнула носом и утерла глаза. — Ой, посмотри на меня. Все говорят, что беременность делает нас слишком чувствительными. Мне кажется, это правда. Хочешь, я его порасспрашиваю?

— Нет, не хочется волновать его.

Лорелея кивнула:

— Да, ты права. Когда твой отец вспоминает про ее болезнь, он становится каким-то... подавленным. Я думаю, он очень ее любил.

— Я тоже так думаю.

— Давай угощаться. — Лорелея потянулась за тарелкой с пирожными. — Теперь я себе могу позволить много есть. Считаю, что и тебе надо копить силы. Не сомневаюсь, что ты тоже скоро станешь матерью. Если, конечно, Джеймс выполняет свои супружеские обязанности.

Сара поперхнулась, хотя не откусила еще ни кусочка. Лорелея же почему-то развеселилась.

— Знаешь, когда вы были у нас в последний раз, я разговаривала с твоим мужем. А ты в это время смеялась какой-то шутке моего кузена. Так вот, Джеймс прилип к тебе взглядом... как намагниченный. Он глядел на тебя и глядел, не мог глаз отвести, даже забыл о нашем разговоре! Я не удивилась бы, если бы ты забеременела в тот же вечер.

— Лорелея!..

— Ой, перестань! Мы теперь замужние женщины, Сара. Какой тогда смысл в замужестве, если не радоваться ему? Разве ты не чувствуешь себя... полноценной?

— Полноценной?

— Вот именно! Столько лет я ходила, боясь посмотреть по сторонам! И всегда страшно переживала из-за шушуканий, которые прекращались в тот момент, когда я входила в комнату, где сидели мои ровесницы. Они-то все уже давно повыходили замуж, и мне не было среди них места. Я была как странная девочка-переросток, которую нужно погладить по головке и отвести к малышам, пока взрослые ведут свои серьезные разговоры. А незамужние подруги — так те еще злее. Сколько можно выдерживать разговоры о шляпках и не сойти с ума? И вообще, как будто это я виновата в том, что они ходят в старых девах.

— Тебе, Лорелея, наверное, было ужасно неприятно... — со вздохом пробормотала Сара.

— Зато теперь мне все равно. У меня есть твой отец, и он чудесный человек. Я вдруг поняла, что сорок два года для мужчины — не так уж много. — О, да это вообще не возраст!

Тут Лорелея вдруг умолкла и осторожно погладила себя по животу.

Если бы Лорелея не была замужем за ее отцом, Сара задала бы ей множество вопросов. Тебе нравится предаваться любви с твоим мужем? Если да, то как часто? Тебе приходилось содрогаться и рыдать от его ласк? Он когда-нибудь брал тебя по утрам?

Но Сара не могла спросить об этом у жены своего отца. И не спросила. Когда через час она вышла от них, то знала не больше, чем когда пришла сюда. За исключением, правда, того, что теперь может пострадать еще один человек, если она действительно больна.

Насупившись, Джеймс Худ разглядывал собеседника, сидевшего в карете напротив него. Наконец проворчал:

— Если такими идиотскими выдумками он хочет склонить меня поддержать его против Хардинга, то он наверняка подхватил в публичном доме, где днюет и ночует, еще кое-что, помимо плохих манер.

Монтгомери криво усмехнулся:

— Сифилитик он или нет, но у него много надежд на этот законопроект.

— Мне легче перейти в противоположный лагерь, чем оказать ему поддержку.

— Перестань! Просто законопроект увеличивает...

— Ему не только хочется отправлять в рабочие дома женщин с «сомнительной репутацией», но еще и отбирать у них детей, чтобы они трудились на фабриках. И это человек, который считает «Приорат» своим лондонским домом! Удивительное лицемерие!

Монтгомери внимательно посмотрел на Джеймса:

— Скажи, а ты когда-нибудь бывал в «Приорате»? Я не могу сказать, что мораль тамошних девушек можно осуждать. Наоборот, они очаровательно... неисправимы.

— О Господи... — пробормотал Джеймс.

Монтгомери же расхохотался. Отсмеявшись, сказал:

— Перестань, Джеймс. Ты женат уже несколько недель. И теперь пришло время выходить на охоту. Вечером у меня запланировано посещение «Приората». Поедем вместе, и я организую тебе ознакомительный тур.

Джеймс выглянул в окно, чтобы посмотреть, далеко ли до дома. Монтгомери снова рассмеялся. Похлопав Джеймса по плечу, с заговорщическим видом проговорил:

— Ты, конечно, добропорядочный человек, но у них там имеется парочка близняшек — миленькие, пухленькие, похожие одна на другую как две капли воды. И очень знаешь... соблазнительные. Так как же?

— Нет.

Джеймс покачал головой.

— Приятель, я угощаю. Считай, что это мой свадебный подарок.

— Без меня, Монти.

— Почему?..

— Я люблю свою жену.

Монтгомери — он собирался снова похлопать Джеймса по плечу — тут же отдернул руку. Словно испугался, что может заразиться чем-нибудь.

Джеймс внимательно посмотрел на приятеля и вдруг весело рассмеялся:

— Да, Монти, представь себе, я действительно люблю Сару.

— С каких это пор?

«С того самого дня, как увидел ее», — хотелось ему ответить, но он промолчал.

— Не твое дело, Монти. И лучше держи язык за зубами, если хочешь, чтобы она приглашала тебя на ужин.

Приятель нахмурился:

— Даже и не рассчитываю. Мне кажется, я ей не нравлюсь.

— Какой догадливый!

Смущение Монти было непритворным. Он пытался флиртовать с Сарой, как флиртовал бы с любой другой женщиной. И терялся каждый раз, когда она отвечала ему с явной неприязнью. Большинство женщин обожали Монти. Сара его терпеть не могла.

— Ах, твоя жена ведет себя ужасно, — пожаловался Монти. — И старомодно.

— Но ты потерпишь, верно?

Увидев в окно свой дом, Джеймс улыбнулся. У него не было выбора — придется отправиться на сегодняшнюю встречу. Но сейчас он дома, где его ждала прелестная, очаровательная жена. Не дожидаясь, когда карета остановится, он открыл дверцу.

— Доброй ночи, Монти.

Приятель поморщился, фыркнул, и через несколько секунд карета покатила дальше. Джеймс посмотрел вслед экипажу и еще шире улыбнулся. Сейчас он увидит Сару. Обнимет ее и поцелует. А она ответит на его поцелуй и крепко прижмется к нему.

Джеймс постучался, и дверь почти сразу отворилась. Он решил не отдавать шляпу Кроуфорду, дабы не утруждать его.

— Сэр, вы...

Дворецкий в изумлении уставился на Джеймса.

Тот сдался и передал ему шляпу. Затем быстро направился в гостиную. Обернувшись, спросил:

— Миссис Худ еще не ложилась?

— Она ушла к себе полчаса назад, сэр.

— Что ж, отлично!

Джеймс уже приблизился к лестнице, но тут вдруг услышал слова дворецкого, сказанные ему вслед:

— У миледи разболелась голова, сэр. И она решила лечь пораньше.

— Голова?

Джеймс замер у ступенек. Неужели Сара действительно заболела? Или ждет сейчас обнаженная, предвкушая его приход? Он представил, как она покраснеет. У нее это прекрасно получалось. Впрочем, нет, она не будет обнаженная. Но все-таки будет с нетерпением ждать его.

— Спасибо, Кроуфорд, — кивнул Джеймс.

И стал подниматься по лестнице.

В его гардеробной не было ни намека на то, что его ждут. Развязав галстук, Джеймс кинул его на столик, затем перешел в темную спальню. И стал на ощупь пробираться к кровати.

— Ты не спишь, Сара? — прошептал он.

Она шевельнулась.

— Дорогая, тебе нездоровится?

— Да, немного, — ответила она шепотом.

— Э... понятно.

Джеймс тяжело вздохнул. Ему-то хотелось лечь рядом с женой. И не важно, будут ли они предаваться любви или не будут, — просто хотелось обнять ее, полежать с ней рядом.

Склонившись над кроватью, он прошептал:

— Чем тебе помочь, дорогая?

— Нет, ничего не нужно. Мэри принесла мне стакан вина, чтобы поскорее заснуть.

— Да, это правильно, — кивнул Джеймс.

Он побрел в свою гардеробную. Неужели Сара действительно больна? Или мучается чувством вины после позавчерашнего? А может, обиделась из-за чего-то? Впрочем, не имеет значения. Все равно он сейчас вернется к ней в постель.

Через несколько минут он осторожно забрался к жене под одеяло.

— Джеймс, ты...

— Прости, дорогая. Я не хотел тебя будить.

— О, я вовсе не...

Она вздохнула с облегчением.

— Спи, Сара, спи.

Джеймс почувствовал, как она кивнула. И вытянул руку, чтобы прикоснуться к ее лбу.

Температуры не было. Она вдруг вздохнула, и он спросил:

— Голова болит?

Она помолчала, потом шепотом ответила:

— Немного. Не сердись.

— Иди сюда, дорогая. — Джеймс обнял жену за плечи. — Спи, любимая, засыпай.

Сара положила руку ему на грудь, и он почувствовал аромат ее мыла. На ней была рубашка с длинными рукавами, чересчур теплая для постели. «Почему она ее надела? С чего бы?» — думал Джеймс. Ответ, пришедший ему в голову, совсем его не порадовал.

Наверное, в следующий раз нельзя быть с ней таким настойчивым. Ведь он же сам говорил, что у них еще много ночей впереди, целая жизнь. Девятнадцать лет Сара прожила, ничего не зная про свое тело. И еще меньше зная про тело мужа. Нельзя обижаться на нее. Даже если эта обида подобна удару кинжала.

— Прости, пожалуйста, — снова прошептала Сара, как будто почувствовала его печаль.

Она провела ладонью по его груди, и боль стала проходить. Когда же Джеймс крепко прижал ее к себе и поцеловал, она обняла его за шею. А потом закинула ногу ему на бедро и поцеловала его в ответ.

Еще никогда она не укладывалась рядом с ним так уютно, крепко прижавшись к нему. И не дышала так спокойно ему в плечо, не терлась о него щекой, как ласковая кошка. Наверное, у нее просто болела голова, и только поэтому...

Нет, не только поэтому. Она его жена, и он любит ее. Поэтому все у них будет хорошо. Он позаботится об этом.

Глава 6

По виду двери было трудно предположить, что ее здесь ждет. Дверь как дверь. На крашеном синем дереве не было ни царапин, ни шербинок. Богатой резьбы тоже не было. Висела маленькая табличка с именем того, кто сидел за этой дверью. Но Сара и так знала, кто такой доктор Уитком. И зачем она пришла к нему.

Прижав к груди ридикюль, Сара смотрела на дверь доктора Уиткома с противоположной стороны узкой улочки. Ей нужно было поговорить с ним, нужно было получить ответы на те вопросы, что терзали ее уже несколько дней. У нее и в самом деле вчера очень болела голова. Но она понимала, что вовсе не за это попросила прощения у мужа. Она просила прощения за то, что принесла беду в его дом, просила прощения за ложь, за то, что во время венчания дала клятву, которую не сможет выполнить. И за то, что притворялась полноценной женщиной, хотя с каждым днем становилось все яснее, что это не так.

Ей нужно было знать все.

Она шагнула на брусчатую мостовую, и тут вдруг дверь, наводившая на нее ужас,

широко распахнулась. Сара отпрянула на тротуар и чуть не споткнулась о бордюр. На пороге же появилась дама. Настоящая леди, а не какая-нибудь продавщица или белошвейка. Перья на ее шляпе заколыхались в такт шагам, когда она стала спускаться по ступенькам. На щеках розовел здоровый румянец. Улыбка была нежной и какой-то умиротворенной. Его пациентка? Невозможно было представить, что эта женщина больна. Однако в своей книге доктор Уитком утверждал, что восемьдесят пять процентов его пациентов выздоравливают. Выздоровливают благодаря разработанному им курсу лечения.

Сара внимательно наблюдала за женщиной. А та достала кружевной платок, прикоснулась им ко лбу и осмотрелась. И тут же подъехал лакированный экипаж, который и увез ее.

Воодушевленная этой сценой, Сара снова шагнула на мостовую и быстро перешла улицу. Если доктор Уитком сможет помочь ей и сохранит ее брак, она рискнет всем.

Приблизившись к двери, Сара тут же постучала. Открыла худенькая служанка в немислимо огромном чепце.

— Я хотела бы увидеть доктора Уиткома.

— Вам назначено?

— Нет, но это срочно. Уверена, доктор узнает меня. Он лечил мою мать.

Служанка несколько секунд колебалась, но открыла дверь шире:

— Проходите, пожалуйста. Доктор Уитком — человек очень занятой, но, конечно, я передам ему вашу просьбу.

Назвавшись и сказав имя матери, Сара так и осталась стоять в прихожей. А служанка направилась к невысокой лестнице. Поднявшись на несколько ступенек, она постучала в дверь. Дождавшись ответа из-за двери, вошла.

Саре стало немного страшно. Она вновь почувствовала себя маленькой девочкой. Станет ли он запугивать ее? Примет ли он ее вообще? Возможно, имя матери ничего ему не скажет.

Ее одолевали страх и сомнения, и в какой-то момент ей вдруг показалось, что она вот-вот задохнется. И все вещи вокруг, вся прихожая начали раскачиваться и вращаться...

— Миссис Худ, не так ли?

Сара на мгновение зажмурилась, потом заморгала. А через несколько секунд увидела улыбчивого мужчину, спускавшегося по лестнице. И как ни странно, чем ближе он к ней подходил, тем ей становилось спокойнее. Наконец, приблизившись, он внимательно посмотрел на нее и с улыбкой сказал:

— Миссис Худ, для меня большая честь, что вы обратились ко мне. Вы очень похожи на свою матушку.

Доктор улыбнулся так широко, что Сара увидела его коренные зубы. Ей представлялось, что он должен быть стариком. Когда-то она боялась его. Но вероятно, в то время он был совсем молодым, потому что сейчас ему было лет сорок, не более.

— Здравствуйте, доктор Уитком, — пролепетала Сара.

— Проходите ко мне в кабинет, миссис Худ. Мне кажется, вы пришли не для того, чтобы поговорить о погоде, не так ли?

— Да, разумеется, — кивнула Сара и сделала глубокий вздох.

Кабинет доктора очень походил на самого хозяина — такой же чистый, без изысков, но все-таки милый. И ничего пугающего. Перед окном — огромный стол. Рядом несколько изящных стульев. На другой половине комнаты стояла широкая мягкая кушетка со стопкой

белых простыней.

— Пожалуйста, миссис Худ. — Доктор выдвинул для нее стул возле стола. — Садитесь.

Усевшись напротив нее — белокурые волосы вспыхнули в свете солнца, — Уитком спросил:

— Чем могу помочь, миссис Худ?

Сара откашлялась и удивилась самой себе: ей в самом деле хотелось поговорить с ним.

— Я прочитала вашу книгу, доктор.

Он молча кивнул и взглянул на нее вопросительно.

— Моя мать... Мне показалось, что ее болезнь у вас описана, — продолжала Сара.

— Да, верно. Ее случай был самым тяжелым в моей практике.

— Это была... Это была нимфомания?

Уитком утвердительно кивнул:

— И истерия, ведущая к слабоумию. Я пытался помочь ей, но ее болезнь... — Он вздохнул. — Чрезвычайно тяжелая болезнь. Очень сожалею.

Сердце забило где-то в горле. На секунду ей показалось, что она вот-вот потеряет сознание.

— Скажите, доктор, если бы болезнь заметили раньше, маме можно было бы помочь?

— Вполне возможно. Симптомы начали проявляться после вашего рождения. Как я написал в своей книге, для меня вполне очевидно: одно и то же заболевание может начаться от потрясения, которое женщина испытает после первого сокоупления с мужчиной, или же от потрясения при рождении ребенка. С небольшими отличиями в проявлениях, конечно.

Доктор откинулся на спинку стула и уставился на керамическую фигурку, стоящую на столе. Присмотревшись, Сара поняла, что это обнаженный женский торс.

— После вашего рождения, — продолжал доктор, — ваша матушка стала апатичной. Весь последующий год испытывала сонливость, стала замкнутой. Когда же оправилась от меланхолии и вернулась к выполнению супружеских обязанностей, мания начала укрепляться. Появилось беспокойство. Стала проявляться чрезмерная возбудимость. Муж — то есть ваш отец — не понял опасности. Да никто из мужчин не понял бы. Так продолжалось почти четыре года, которые прошли с приступами уныния и депрессии. И тогда она обратилась ко мне.

Ошеломленная, Сара молча смотрела на доктора. А он вдруг пожал плечами и проговорил:

— Прошу меня извинить, миссис Худ. Возможно, я был излишне откровенен.

— Нет, ничуть.

Ей хотелось узнать правду. Судя по всему, именно этот человек мог рассказать ей то, что она хотела узнать.

— Доктор, продолжайте, пожалуйста.

— Ну, видите ли, миссис Худ... Когда я обнаружил эти симптомы и поставил диагноз, ваша мать мне не поверила, но я продолжал ее расспрашивать. — Доктор пристально посмотрел на Сару. — Скажите, есть ли у вас бессонница? Есть ли какие-нибудь проявления... — Уитком на мгновение опустил глаза, а затем пристально посмотрел на Сару. — Как ведут себя ваши женские органы, когда вы думаете о супружеских отношениях?

— То есть вы... о чем? — пролепетала Сара.

— О влаге. Источается ли влага?

О Господи! Она попыталась встать, но доктор Уитком пригвоздил ее к стулу

пристальным взглядом. Потом вдруг ласково улынулся и сказал:

— Миссис Худ, эта болезнь очень часто передается по наследству, что является установленным медицинским фактом. Вы пришли ко мне, потому что обнаружили у себя подобные симптомы?

— Я...

Сара не знала, что сказать. Да и что она могла сказать?

Глядя на нее все так же пристально, доктор вновь заговорил:

— Когда ваша матушка появилась у меня, она уже была очень больна. В очень запущенном состоянии. Узнав, что с ней происходит, она впала в депрессию. Но ее служанка кое-что поняла и поэтому послала за мной. Я предпринял интенсивную терапию, но, несмотря на лечение, которое я проводил в течение нескольких месяцев... В общем, вы знаете, чем все закончилось. Она то становилась болезненно раздражительной, то слезливой. Ее состояние, как маятник, двигалось от возбуждения к апатии и обратно. Затем она решила, что ей уже ничего не поможет. Отправилась к реке и покончила собой.

Саре все это было известно. Она знала, как закончилась жизнь матери. Набив полные карманы камней, та бросилась в Темзу.

— Однако же, — продолжал Уитком, — я абсолютно уверен в том, что ей можно было бы помочь, если бы она раньше обратилась ко мне. Вы нашли у себя схожие симптомы, миссис Худ?

Горло Сары сдавили слезы. Вытащив из ридикюля платок, она прижала его к губам. Она не могла не помнить о матери, вернее, о том, как та уходила и прощалась с ней. О том, какой спокойной и счастливой она тогда казалась.

Сара тяжело вздохнула и утерла пот со лба. Доктор Уитком улынулся ей и вновь заговорил:

— Мы проведем обследование, дорогая. Я вижу, у вас ясные глаза. Это хороший признак. Значит, не так все плохо.

С облегчением вздохнув, Сара встала и прошла по комнате. Остановившись у кушетки, присела на краешек. Доктор подошел к ней и проговорил:

— Во-первых, пульс. — Он взял ее за запястье и посмотрел на часы на стене. — Расскажите, что вас беспокоит.

— Состояние... какое-то странное. Беспокойство, раздражительность. Иногда трудно заснуть.

— Когда вы вышли замуж?

— Два месяца назад.

— Вы были девственницей?

Она вздрогнула от неожиданности.

— Разумеется.

— Когда муж в первый раз взял вас, это оказалось болезненно?

— Да, но...

— Как часто у вас бывает интимная близость?

Он отпустил ее руку и указал, чтобы она откинулась на спинку кушетки. Затем прижал пальцы к ее шее.

— Ну, три-четыре раза в неделю до последнего времени.

Его рука замерла.

— До последнего времени?

Он оттянул сначала одно ее веко, потом другое. Заглянул в глаза.

— Да. Сейчас это происходит... чаще.

— Насколько чаще?

Его рука легла ей на живот, как раз под грудью.

Сара закрыла глаза.

— Больше одного раза в день.

— Понятно. — Он провел рукой по животу. — А как ведут, себя ваши женские органы, когда он дотрагивается до вас?

Сара почувствовала, что краснеет. Собравшись с духом, ответила:

— Именно так, как вы описали.

Доктор Уитком поднялся.

— Я выйду, а вы разденьтесь. Моя служанка поможет вам. Она укроет вас простыней и позовет меня.

— Что? Нет-нет, ни в коем случае! — Сара покачала головой. — Я не могу... Мой муж...

— Миссис Худ, я ведь медик. Невозможно произвести осмотр через корсет и нижние юбки.

— Но не могли бы вы... — Сара заплакала. — Не могли бы вы прописать мне какое-нибудь лекарство?

Он уселся в кресло и взял ее за руку.

— Миссис Худ, от этого не существует лекарств. От этой болезни поможет только специальная терапия. У вас учащенный пульс. И я полагаю, матка возбуждена и увеличена. Терапия включает в себя массаж, который снимет напряжение матки. Мы можем не начинать курс прямо сейчас, но я должен тщательно осмотреть вас, чтобы быть уверенным в диагнозе.

Сара тяжело вздохнула. Она не могла раздеться перед чужим мужчиной, не важно — доктор он или нет. Когда она снова покачала головой, Уитком сказал:

— Ладно, хорошо. В любом случае ваша стыдливость — добрый признак. Ложитесь на спину, я все сделаю сам.

Сара покорно легла. Турнюр уперся ей в ягодицы, приподняв бедра. А доктор принялся копать в ее юбках и крючках на корсете.

— Если вам не трудно, когда придете в следующий раз, не затягивайтесь так сильно.

— Да, хорошо.

Он так резко нажал ей на живот, что она вздрогнула.

— О да. Явно увеличена и возбуждена.

Пока Сара соображала, что к чему, Уитком приподнял ей юбки и сунул под них руку. Быстро и уверенно ощупал ее бедро.

— Сэр!

Сара вскочила, чуть не ударив его головой в грудь.

Он попытался удержать ее на месте.

— Успокойтесь, миссис Худ. Мне нужно провести небольшое внутреннее обследование. Такое же, какое ждет вас во время беременности.

Рука доктора скользнула в прорезь ее панталончиков. Его прикосновение казалось ужасно жгучим — как будто на нее капнули кислотой.

— Нет!

Сара отстранила его руку. Он выпрямился и проговорил:

— Не так уж все плохо. Хотя вам, конечно же... К следующему вашему визиту, пожалуйста, воздержитесь от обильной пищи. Кроме того, я советую ежедневно пить ячменный отвар, чтобы избавиться от излишней возбудимости. Следует также прекратить супружеские отношения. И не читайте романов. Вы любите романы, миссис Худ?

Сара в панике вскочила с кушетки:

— Спасибо, доктор!

Он тоже поднялся и взял ее за руку:

— Я понимаю, что вам сейчас трудно, миссис Худ. Но я надеюсь... Надеюсь, что все у вас сложится наилучшим образом.

«Джеймс, — подумала Сара. — Я сделаю все ради Джеймса». Уитком сунул ей в руку маленькую баночку:

— Это камфара. Каждый день тщательно втирайте мазь в губы.

Сара так и не поняла, про какие губы он говорил, но на всякий случай кивнула.

— Во-первых, нам надо добиться того, чтобы ваши женские органы не реагировали так активно, — продолжал Уитком. — Это будет начальный терапевтический курс. Вы предпочтете получать лечение здесь? Или мне лучше приходить к вам домой?

— Я... я буду приходить сюда.

— Отлично. Возвращайтесь через неделю. В это же время.

Едва дослушав, Сара выскочила из кабинета. Сбежала по лестнице и рванула на себя дверь, не дожидаясь служанки. Желая убраться отсюда как можно скорее, шагнула на мостовую как раз в тот момент, когда мимо проезжала огромная повозка с четверкой рослых лошадей. Возница свирепо взглянул на нее, однако промолчал.

Сара решила нанять экипаж. Хотелось побыстрее оказаться дома и принять ванну. Нельзя было позволять ему дотрагиваться до нее. После его... прикосновений ей казалось, что она в чем-то испачкалась. Но если даже на осмотре она чувствовала себя... так, как сейчас, то как же она вынесет прикосновение этих рук во время лечения?!

А что та, другая женщина, очаровательная и уважаемая дама, которая вышла от Уиткома с улыбкой на лице?..

Сара хотела быть такой же. Безмятежной. Счастливой. Она хотела быть такой ради Джеймса.

Увидев экипаж, Сара помахала рукой. Кучер вопросительно взглянул на нее. Она показала монету, назвала адрес, и он кивнул:

— Хорошо, миледи. Готов услужить. Позвольте, подсажу.

Она не выдержала бы прикосновения еще одних рук. Поэтому забралась в экипаж самостоятельно и захлопнула за собой дверцу, прищипав подол платья. Когда карета тронулась, ей показалось, что колеса стали сами старательно выискивать все выбоины на дороге. Закрыв глаза, Сара откинулась на спинку сиденья.

У нее не было истерики. Хотя, конечно же, ее ужасно смутили все эти чудовищные вопросы. Да, ей хотелось поскорее оказаться дома. Но это вовсе не означает, что она заберется в постель и проваляется так несколько дней, рыдая время от времени или просто глядя в потолок, как когда-то делала ее мать.

Чувствовать руки доктора на своем теле — о, это так гадко, так отвратительно, так непристойно! А вот прикосновения Джеймса... они были настоящими и добрыми.

Действительно ли она больна? Или доктор Уитком ошибается? Если верить тому, что

написано в другой книге, то она совершенно нормальная женщина.

Сара утерла глаза и тут же почувствовала, что все щеки у нее мокрые от слез. Нужно было поговорить с Джеймсом, поделиться всем, что ее мучило. Но из-за своей лжи она ничего не могла рассказать ему. Он возненавидит ее! Разве может быть по-другому? В лучшем случае он будет постоянно следить за ней, поджидая момент, когда она свихнется.

Домой хотелось отчаянно, но когда карета остановилась, Сара тяжело вздохнула и прижала ладони к щекам. В таком виде нельзя было являться перед слугами. Следовало успокоиться.

Дверца распахнулась.

— Приехали, миледи.

Сара заставила себя опереться на руку кучера — спокойно, спокойно же! — и ступила на тротуар. Затем медленно поднялась по ступеням, ведущим к парадному входу, открыла — и в ужасе замерла. Оказалось, что в холле ее встречал не только Кроуфорд, но и Джеймс. И он внимательно смотрел на нее, смотрел, прищурившись.

— Сара, где ты была? Я чуть с ума не сошел.

— Ах, Джеймс?!

Почему он дома?

— Ты ушла, никому не сказав ни слова. Даже не взяла с собой горничную!

— Я...

Она отступила на шаг, чтобы держаться подальше от мужа. Но он тут же приблизился к ней.

— О Господи!.. Сара, ты плакала?

Нужно было сказать ему всю правду. Сказать, что она обманула его, что подвергает опасности его жизнь и жизнь их будущих детей. Сказать, что она из тех, кто приносит несчастья.

И тут все завертелось перед ней и потемнело. Правда, в последний момент перед тем, как провалиться во тьму, Сара услышала, как Джеймс зовет ее, и увидела, как он протянул к ней руки.

Впервые в жизни Сара Роуз Худ грохнулась в обморок. И была несказанно этому рада.

— Сара!.. — Джеймс прижимал к себе жену. — Вызовите доктора, Кроуфорд.

Подхватив жену на руки, он отнес ее в гостиную и уложил на кушетку.

— Сара, дорогая, очнись!

Она не шевелилась. Бескровные губы выделялись своей белизной даже на фоне бледного лица. Лоб был холодным, но влажным от испарины. Джеймс принялся ощупывать ее плечи, грудь, руки, ноги...

Увидев разорванную юбку, в ужасе уставился на нее. Неужели на нее напали?

О Боже, где она была?

Джеймс решил сегодня вернуться домой пораньше, среди дня. Хотел спокойно посидеть за ленчем со своей очаровательной женой. А вместо этого добрых полчаса мерил шагами холл, как тигр в клетке. Все думал: куда же она отправилась? И главное — без провожатых! Он был взволнован, испуган и зол. Как ни печально, даже появились кое-какие подозрения. Два дня назад Джеймс пришел и не нашел ее дома. А когда она вернулась, вела себя очень странно.

Черт возьми, что же происходит?

— Сара, — позвал он еще раз, и ее ресницы дрогнули. — Сара!..

Заморгав, она открыла глаза; на бледном лице они казались необычно темными.

— Сара, что-нибудь болит?

Она молча смотрела на него. Потом, по-прежнему молча, покачала головой.

— Сара, я послал за доктором. Он уже скоро будет.

— Нет! — Она резко приподнялась. — Пожалуйста, не надо!

— Но ты нездорова, Сара, тебе нужно...

— Со мной все в порядке! Уверяю тебя! Поверь, я не больна. Просто испугалась.

Он уселся перед ней на корточки.

— Испугалась? — Сара молчала. — Испугалась меня?

— Нет, разумеется.

— На тебя напали? Юбка разорвана...

Сара опустила глаза и принялась счищать грязь с подола. В какой-то момент вдруг поняла, что громко плачет.

— Никто на меня не нападал. — Она всхлипнула. — Все хорошо.

Джеймс уселся рядом с ней и обнял ее за плечи.

— Ты должна рассказать мне, что случилось. Иначе я сойду с ума. Пожалуйста, расскажи. Ты меня пугаешь, Сара.

Она снова всхлипнула и уткнулась лицом ему в жилетку.

— Да, я расскажу. Должна рассказать. Главное — ничего не скрывать от тебя. Только не нужно доктора, пожалуйста. Я все расскажу...

Джеймс в изумлении посмотрел на жену. Что бы это значило? Молча кивнув, он поднялся и пошел поговорить с Кроуфордом. Вернувшись, плотно закрыл за собой дверь. Какое-то время постоял у порога, в отчаянии спрашивая себя: «Что же она натворила? Может... какой-то другой мужчина, какая-то тайная любовь?»

И если да, то... То тогда он, Джеймс, убьет его и сбросит тело в реку. Или заставит его поступить во флот ее величества. Да, пожалуй, это более разумно. А потом он сделает все, чтобы Сара смогла полюбить его сильнее, чем того мужчину.

Тут Сара вдруг поднялась и, повернувшись к нему, пристально на него посмотрела. Сделав глубокий вздох, проговорила:

— Я должна кое-что рассказать тебе, Джеймс. То, о чем, к сожалению, не сказала до свадьбы.

О Боже! Что бы она ни собиралась рассказать ему, он не хочет этого слышать!

Она вздохнула и вновь заговорила:

— Да, не рассказала, к сожалению. А сейчас не могу жить с этим на сердце.

— Тогда... продолжай, — прохрипел Джеймс.

— Я... Вернее, моя мать... Она была нездорова.

Джеймс судорожно сглотнул.

— Так ты? Или она?

— Сейчас я говорю о своей матери. Она болела несколько лет, прежде чем умерла. И возможно... Возможно, мне передалась эта болезнь.

Джеймс в недоумении уставился на жену:

— Ее болезнь? Сара, ты нездорова? Это имеет какое-то отношение к твоим головным болям?

— Нет. По крайней мере я так думаю. А моя мать... Ты должен понять, это тянулось годами. И поначалу было совсем незаметно. Сегодня я виделась с ее доктором, и он сказал,

что у меня есть кое-какие похожие симптомы.

Дрожащими пальцами она вцепилась в юбки.

— Не понимаю. Ты говоришь не о ее лунатизме, а о чем-то другом?

Она отшатнулась, словно муж ударил ее:

— Джеймс, что?..

Он взял ее за локоть:

— Сара присядь, пожалуйста.

Но она не желала садиться. Посмотрела на его руку, потом пристально взглянула ему в лицо:

— Ты знал?

— О твоей матери? Конечно.

— Откуда?

— Твой отец рассказал, когда я просил твоей руки.

— Ты знал, что она была сумасшедшей? Ты знал, что она покончила с собой?

— Да, Сара, конечно. Дорогая, мне очень жаль, что с ней так вышло. Но ты в то время была совсем маленькой и...

— А я-то думала, что ты ничего не знаешь. Я-то думала, что нужно рассказать тебе об этом.

— Но я же не говорил тебе, как умер мой отец. От удара, кстати.

— О, Джеймс!.. — Ей не хватало воздуха. — Ты знал... и все равно женился на мне?!

— Что за странный вопрос? О чем ты думаешь? И ты пока еще не объяснила, что сегодня случилось.

— Я уже говорила, что отправилась увидеться с ее доктором. — Сара уселась в кресло у камина. — И я очень переживала. Вдобавок наткнулась на книгу Уиткома. А там подробно описаны кое-какие из моих симптомов.

— Какие еще симптомы?

Она густо покраснела.

— Совсем недавно меня... стали переполнять чувства... И желания.

— Желания? — Его наконец озарило. — Ох, Сара! Ты говоришь о том, как мы недавно предавались любви?

— Да, об этом. Но мне совсем не хочется обсуждать... Ты же обратил внимание, как я изменилась? Так вот, доктор Уитком считает, что это первый признак истерии. Я не хочу сойти с ума, Джеймс. Ты не представляешь, чем это может обернуться. Он собирается вылечить меня, но...

— Сара, стоп! Ты не сумасшедшая. Ты самая невозмутимая из всех женщин, которых я знаю.

— Но я-то не чувствую себя невозмутимой! — закричала она. — У меня беспокойство, и жар, и голод! И с каждым днем все сильнее! Доктор Уитком заверил, что лечение поможет контролировать мысли, но...

— Поверить не могу, — пробормотал Джеймс, усевшись в кресло.

— Но мне никогда не пришло бы в голову...

— А доктору пришло в голову, что нужно лечить тебя от любви к мужу? Похоже, ты действительно сумасшедшая.

— Джеймс!..

— Он дурно с тобой обращался?

Сара удивилась:

— Кто?

— Доктор. Он дурно с тобой обращался? Он запугивал тебя?

— Нет-нет! Я просто отправилась к нему, чтобы задать несколько вопросов. Он провел короткое обследование и... Я не стала бы скрывать это от тебя. Если я превращусь, как моя мать...

— Иди ко мне.

Сара молча смотрела на него, и он повторил:

— Иди ко мне, дорогая.

— Зачем?

Сара отступила на шаг. Вначале она выглядела беззащитной, но теперь в ней появились злость и упрямство.

Но Джеймс приблизился к ней и взял за руки. Усевшись в кресло, усадил ее к себе на колени.

— Что ты делаешь?! — возмутилась Сара. — Все очень серьезно, а ты...

— Помолчи, дорогая. Знаешь, что я подумал, когда в первый раз увидел тебя?

Сара уставилась на него:

— Нет, не знаю.

— Неужели не рассказывал?

— Нет.

— Это было на приеме у Уортингов, помнишь? До того как увидеть тебя, я подумал: «Господи, ведь у Беатрис Уортинг такой отвратительный голосок». Но когда она закончила петь, я вдруг увидел тебя, Сара. Ослепительную и прекрасную. Да, прекрасную незнакомку. Ты хлопала в ладоши с таким видом, как будто Беатрис только что потрясающе исполнила арию. И я услышал, как ты спросила, сможет ли она спеть твою самую любимую песню. Я обратил на это внимание, потому что еще подумал, что ты, наверное, немного не в себе, если хочешь, чтобы испортили твою любимую песню. Но потом она запела, и я понял, в чем дело.

— В чем же? — прошептала Сара.

Он погладил ее по спине.

— Ты показала ей другую тональность, более подходящую для ее голоса. И получилось очень мило. Ты избавила ее от унижения.

Сара утвердительно кивнула.

— Да, верно. Я наблюдал, как ты радуешься за Беатрис, когда она пела. И во мне тогда все перевернулось. Мне даже почудилось, что все заметили это. Но вечер продолжался. Все оставалось по-прежнему. Все остались прежними, изменился только я.

Сара смотрела на мужа вопросительно. И он, словно поняв вопрос, проговорил:

— Наверное, в тот самый момент я и полюбил тебя.

— Правда?

Она заморгала, и две крупные слезинки потекли по ее щекам.

— Да, правда. И я почувствовал себя... чутьли не обиженным. Я же не знал тебя. Мы даже не были представлены друг другу. Мне тогда ничего не было известно про твой острый ум и чувство юмора. Я даже не представлял, что ты можешь быть доброй не только к своим друзьям, но и к незнакомым людям, даже к тем, кто был недостоин тебя. У меня и в мыслях не было, что твоя стыдливость может преобразиться в такую пленительную страсть. Да и откуда я мог знать, что в душе твоя...

— Но доктор!.. — воскликнула Сара в отчаянии. — И моя мать...

— Глупости! Ты очень уравновешенная женщина. Когда твой отец объяснял мне ситуацию, он особо отметил, что в тебе никогда не было материнской страсти к мелодраме, к преувеличенной эмоциональности. Но можно было об этом и не говорить.

— Но в книге все ясно написано. И когда я ее прочитала...

— Хорошо, давай посмотрим. Где твои книги?

Пять минут спустя Джеймс читал невразумительно изложенные глупости, которые принесли столько тревог его бедной жене.

— Проклятие! Что за нелепица?!

Сара, расхаживавшая по комнате, остановилась напротив мужа.

— Нелепица? Откуда ты знаешь? Я нашла в себе *все*, о чем здесь пишется. Кто ты такой, чтобы утверждать, что это не так?

— Но я... Дорогая, я не хотел обидеть тебя.

— Я знаю, Джеймс. Но ведь мы сейчас говорим не об этом, верно?

— Да, конечно. И если ты хочешь знать... До того как я познакомился с тобой... э... у меня уже был вполне определенный опыт. С другими женщинами. Правда, небольшой.

Выражение ее лица не изменилось.

— Так вот, они дарили наслаждение и требовали наслаждения взамен. Это было главным. Только самый никчемный мужчина бывает эгоистом в постели, получая удовольствие и не думая при этом о партнерше.

Сара скрестила на груди руки.

— Но они были проститутками, да?

— Я не из тех, кому нравится платить за пользование женским телом.

— Как это понять?

— Они не были проститутками. Это были самые обычные женщины. Благородного происхождения.

— Такие не могут быть благородного происхождения, Джеймс!

— Сара... Когда у женщины умирает муж или уходит от нее... Желание у нее ведь не пропадает, кстати, как и мужчины. Тело создано для того, чтобы наслаждаться. Сама увидишь, если я, к примеру, завтра возьму и умру.

— Но я... — Она была в замешательстве. — Ведь доктор ясно сказал.

— К черту доктора! — прорычал Джеймс. — Уитком помог твоей матери?! Ей стало лучше? Она выздоровела?!

Сара со вздохом покачала головой:

— Нет, не выздоровела.

— Твой отец рассказал, что Уитком несколько лет пытался вылечить ее. И все без пользы. Доктор ничего не сделал для нее. Он просто шарлатан. Мошенник!

— Но он сказал... Сказал, что она поздно к нему обратилась.

— Все, помолчи! Я твой муж, и я говорю тебе, что сексуальные потребности не имеют ничего общего с сумасшествием. Ты мне веришь?

Сара раскрыла рот, но так ничего и не сказала. Какое-то время оба молчали, наконец она спросила:

— А те женщины?.. Они получали оргазм... с тобой?

Джеймс нахмурился и проворчал:

— Полагаю, что да.

— Наверное, ты просто успокаиваешь меня.

— Ничего подобного! Неужели ты думаешь, что я рассказываю про других своих женщин, чтобы успокоить тебя?

Она промолчала.

— Сара, поверь, я люблю тебя! — При этих словах глаза ее распахнулись, и Джеймс вдруг сообразил, что еще ни разу не произносил эти слова вслух. — Да, я люблю тебя. И если мне покажется, что тебе грозит опасность, поверь, я сделаю все, что смогу, чтобы защитить тебя.

Жена молчала, и он вновь заговорил:

— Сара, дорогая, когда мы венчались, ты мне кое-что обещала, помнишь?

Она посмотрела на него с удивлением:

— Разве?..

— Перед Богом и людьми ты обещала любить меня и повиноваться.

— Ну... да, конечно.

— Тогда давай расставим все точки над *i*. Если у тебя вдруг возникнет потребность узнать что-нибудь о себе и о своем теле — или о моем, — только я буду тем, кто все тебе объяснит и всему научит. Поняла?

Она по-прежнему молчала.

— И если вдруг появятся какие-нибудь вопросы про желание, например, то мы вместе найдем ответы. Понятно? Мы вместе определим, что тебе нравится больше всего. И больше никаких идиотских книг. Если вдруг заболеешь, мы найдем самого лучшего доктора в Лондоне. Договорились?

Сара крутила на пальце обручальное кольцо. Наконец кивнула и прошептала:

— Да, конечно.

— Дорогая, громче.

— Да, я приду к тебе, Джеймс.

Сара вопросительно посмотрела на него, и он добавил:

— Я имел в виду мужскую анатомию.

— Но, Джеймс... Ведь еще только середина дня...

Он с усмешкой пожал плечами:

— Ну и что? У тебя за день явно накопилось много вопросов. Мне кажется, ты хотела бы получить на них ответы, не так ли? И я мог бы преподать тебе урок.

Сара облизнула пересохшие губы. И Джеймс понял, что победил. Впрочем, и она — тоже.

Он распустил галстук, запер дверь на ключ, и урок начался.

Глава 7

Сара вытянула ноги под одеялом, пытаясь найти прохладное местечко. Все-таки это было странно — лежать совершенно голой в собственной постели. Странно и безнравственно. Она с наслаждением потянулась, утопая в тонких простынях.

До ужина было еще далеко. Но надо было вставать и одеваться. Джеймс уже час как поднялся. Одевшись, он поцеловал ее и приказал оставаться в постели.

Сара улыбнулась и решила не перечить. Муж велел лежать и отдыхать, а она клялась подчиняться ему.

В ногах и руках была тяжесть, но при этом Сара ощущала удивительную легкость. Она сказала ему правду. Хотя Джеймс знал правду и без нее. И все равно не отверг ее. Более того, убедил, что с ней все в порядке.

Когда он заговорил о других женщинах, Сара должна была почувствовать боль. Возможно, через какое-то время так и будет, но сейчас она испытывала к этим дамам только благодарность. Она была такая же, как *они*. И отличалась от своей матери. Не была ни беспокойной, ни нервной, ни угрюмой. Она была счастливой.

Дотрагиваться до его тела — вот что делало ее счастливой. Дотрагиваться и заставлять его стонать — вот от чего она испытывала радость. Усмехнувшись, Сара уткнулась в подушку.

— Что это ты замурыкала, как котенок? — раздался голос мужа.

— Джеймс?!

Она вскочила, прикрываясь простынями.

— Ах, как мы стыдливы.

— Перестань.

Улыбнувшись ее смущению, он опустил на край кровати. Убрал локон с ее щеки.

— Сказать, чтобы подавали ужин? Мы можем поужинать и здесь, если хочешь.

Сара сразу подумала о слугах и о том, что они станут говорить. И поняла, что ей все равно.

— Хорошая мысль.

Когда он потянулся к звонку, Сара ахнула. Костяшки пальцев у Джеймса посинели.

— Что у тебя с рукой?

Он на секунду замер. Потом взялся за шнур и дернул.

— Можешь не переживать по поводу встречи на следующей неделе, о которой договорилась. Доктор пришел к выводу, что ты не нуждаешься в его помощи.

— Прекрасно. Так что у тебя с рукой?

Он отвел глаза.

— Джеймс, зачем?

— Когда мы венчались, я поклялся любить и защищать тебя.

— Какое отношение к защите имеет то, что ты избил ученого человека?

Джеймс с усмешкой пожал плечами:

— Дорогая, считай это проявлением моей любви.

— Ах, Джеймс!.. — Она укоризненно взглянула на него, потом, потупившись, пробормотала: — Знаешь, мне надо еще кое в чем признаться.

Он уставился на нее в изумлении:

— Опять?!

— Да. Знаешь, мне кажется... Видишь ли, я уверена, что страшно тебя люблю.

— Понял, дорогая. Значит, «страшно»?

— Да, просто ужасно!

Он поднес к губам ее руку. Потом с улыбкой сказал:

— Ну и чудесно, любимая. Было бы жутко тяжело жить одному. Но я обратил внимание, что ты все еще в сомнениях.

Сара проглотила подступившие слезы.

— Никаких сомнений. Ты тут ни при чем. Я просто немного... сбита с толку. Моя жизнь очень изменилась. Новый дом, новая роль, новая жизнь... Ведь я теперь миссис Худ.

Но кто она такая, эта миссис Худ?

Джеймс насупился и пробурчал:

— Не очень-то мне нравятся твои раздумья, Сара.

— Но это всего лишь перемены, Джеймс. Ведь у меня в жизни все изменилось, и я хочу все это осмыслить. А ты... ты такой милый, добрый, терпеливый... И если бы не ты... Если бы не ты, Джеймс, мне было бы страшно и одиноко.

Муж молчал, и Сара продолжала:

— Благодаря тебе я поняла, кто я такая. Я Сара, твоя жена. И я люблю тебя.

Джеймс молча смотрел на нее, и у нее вдруг промелькнуло: «А может, я сказала что-то не так? Может, сказала много лишнего?»

— Джеймс, ты...

— Я думаю, нужно сделать так, чтобы ты быстрее привыкла ко мне, к незнакомцу. Я пытаюсь представить себя на твоём месте.

Не удержавшись, Сара засмеялась. Теперь его трудно было назвать незнакомцем. Во всяком случае, она его таковым не считала.

Джеймс поцеловал ее.

— Самая большая странность заключается в том, что мне раньше не удавалось оставаться наедине с особами противоположного пола, и тут вдруг... — Джеймс с улыбкой посмотрел на жену, и оба рассмеялись. — И тут вдруг мне приходится быть в полном уединении с женщиной, если ты понимаешь, о чем я.

Джеймс хмыкнул:

— Кажется, понимаю.

— Но до меня дошло, что лучший способ борьбы со странностями — полностью раствориться в них.

— Раствориться?

— Именно. Если ты в самом деле хочешь мне помочь...

Джеймс украдкой посмотрел на постель:

— Конечно, хочу...

— Тогда, я думаю, тебе нужно сосредоточиться на главном, — заявила Сара с лукавой улыбкой.

Джеймс крепко обнял ее.

— О Боже, миссис Худ, вы умнейшая из женщин! Умоляю, скажите, что вас больше всего интересует?

Сара покраснела до корней волос.

— Мне, например, интересно...

— Да-да, слушаю...

Джеймс расплылся в улыбке.

— Наверное, у мужа есть какие-то особые желания, не так ли?

Его рука скользнула под край простыни и там ухватила ее за голую коленку.

— Ода, конечно. Вы правильно выразились, миссис Худ, — вот именно, «особые желания».

— Знаешь, я на эту тему прочитала несколько книг, но так и не...

— Неужели?

Джеймс погладил жену по бедру.

— Я не поняла, как часто... — Она перевела дух. — Как часто могут возникать такие

желания?

Джеймс рассмеялся:

— Похоже, моя бедная женушка так и блуждает в потемках. Придется ее просветить, преподать ей урок.

— О да!.. — выдохнула Сара. — Просвети меня!..

Прошло несколько часов, и Джеймс с успехом сумел доказать, что «особые желания» очень часто возникают, когда муж и жена оказываются рядом. А Сара подтвердила, что является прекрасной ученицей.